

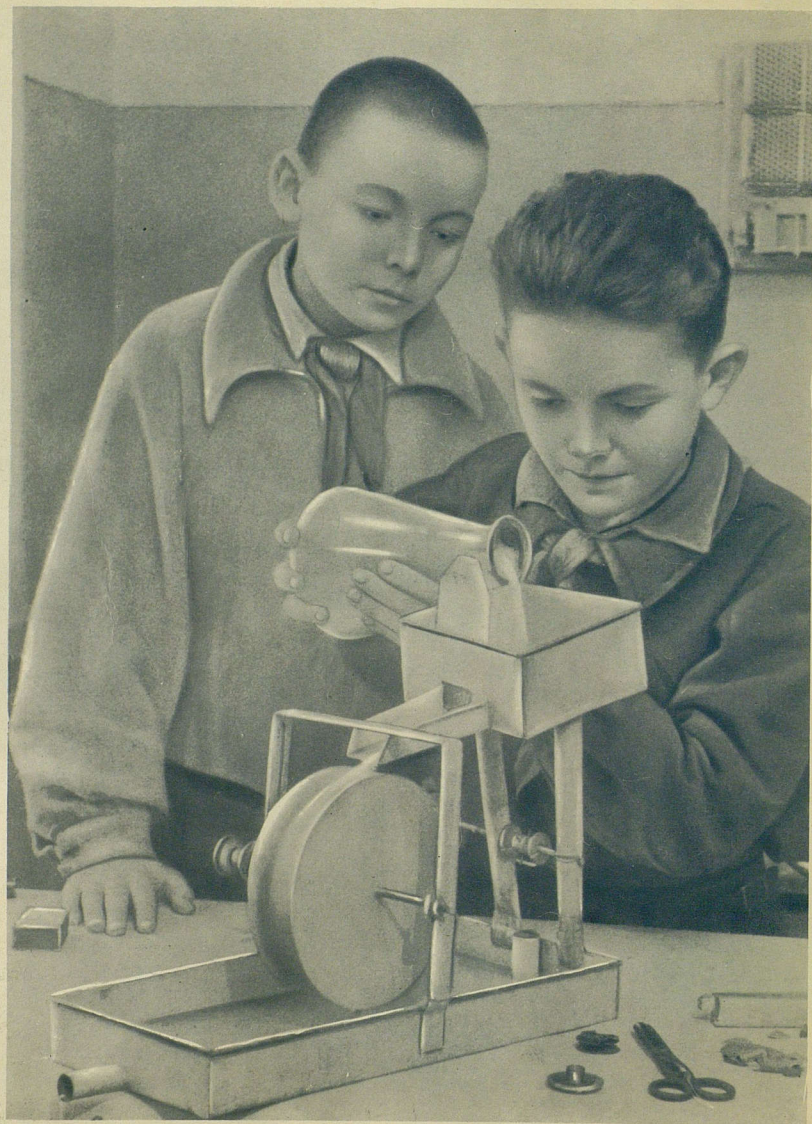
ПИОНЕР

МАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1953 г.

5

ТУРБИНА ДЕЙСТВУЕТ!

Фото С. Карсева.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 5 май 1953 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕРВОЕ МАЯ

Сергей Баруздин

Этот день наступает рано,
Путь начав у Курильских высот,
Он от Тихого океана
По моей Отчизне идёт.

Вместе с солнечными лучами
Он идёт, теплом озарён,
Высоко вздымая над нами
Шёлк багряных майских знамён.

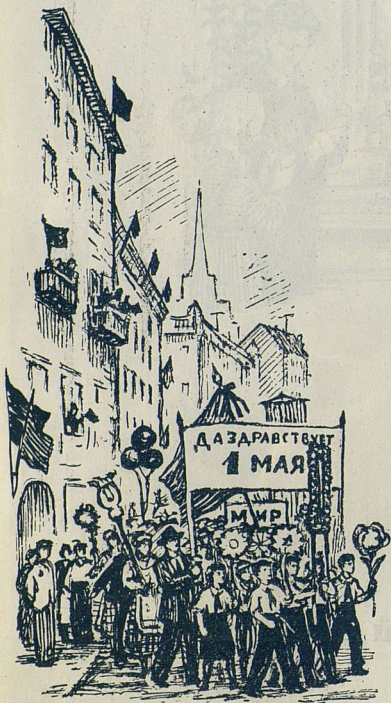
По-весеннему чист и светел,
Он недаром в песнях воспет
Как единства и сил свидетель,
Как свидетель наших побед.

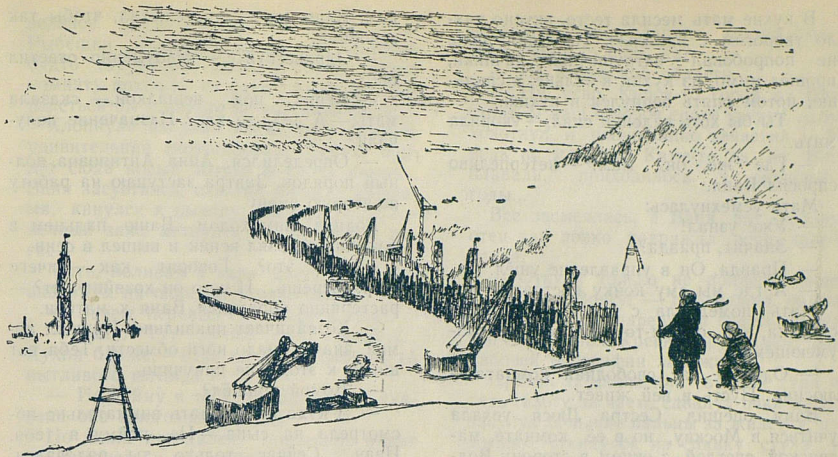
От Камчатки до вод Дуная,
От Днестра до уральских вершин,
Вдохновенная, трудовая,
Вся страна встаёт перед ним.

Мы горды Отчиной своею,
Мы всем сердцем преданы ей.
Нашей гордости нет сильнее,
И любви нашей нет сильней.

Мы сегодня вновь повторяем
Нерушимую клятву тому,
Без кого первый раз встречаем
Этот май и эту весну...

Мы сильны и в счастье и в горе,
Мы едины волей одной.
Коммунизма светлые зори
Мы зажжём над своей страной!

СТРАНИЦА ЛЕТОПИСИ

Рассказ К. Кириной

Рисунки Петра Павлинова

Улица спускается по склону горы. Дома, как альпинисты, вытянулись гуськом, связанные друг с другом поясками низеньких садовых оград. Ванин дом внизу; к нему хорошо сбегать на лыжах. Ваня научился тормозить, круто поворачивать с дороги к своим воротам. Вот и сейчас он сделал лихой вираж, согнув ноги в коленях, накренившись влево. Снег под лыжами взвизгнул, взметнулся искристой пылью.

— Да ты и вправду чемпион,— услышал Ваня.

Из-за сугроба смотрела на него соседка Оля. Она походила на снегурочку в своём белом платке, таком пушистом, что казалось, он весь дымит. И глаза у неё, как прозрачные синие льдинки.

— Только пробегал ты всё на свете и ничего, ничего не знаешь! — почти пропела Оля, покачивая головой.

«А чего мне надо знать?» — хотел спросить Ваня. Но ему была известна олина привычка: ни за что не скажет сразу, попросту, а сначала помучает разными загадками. Это Ване не нравилось, и он на-

рочно не стал ничего спрашивать. Но уходить с улицы не спешил, потихоньку снимал лыжи, сбивал налипший на них снег. «Всё равно не утерпит», — надеялся он.

И Оля не утерпела.

— Молчишь, будто тебе и дела нет,— насмешливо сказала она.— А к вам... К вам квартирант приехал!

Ваня бросил на неё недоверчивый взгляд и увидел: нет, не обманывает. Да, это новость! В доме у Вани ещё не было квартирантов, и он очень завидовал соседям. Повсюду ещё с прошлого года появились новые жильцы, да ещё какие: экскаваторщики, закопёрщики, багермейстеры, шофёры! У Оли жил дядя Яша — машинист Бойченко. Большой, сильный, весёлый, в морской тельняшке под комбинезоном, он был известен каждому на стройке. «Наш дядя Яша опять норму перекрыл! Про нашего дядю Яшу в газете писали!» — хвалится часто Оля. Неужели теперь и у Вани будет такой завидный квартирант?

Не сказав ни слова, он подхватил лыжи и побежал домой.

В кухне мать месила тесто, вкусно пахло творогом с ванилью. Но Ваня даже не попробовал ватрушечной начинки, прошёл мимо, из кухни в залце, в спальню, потом опять вернулся в кухню.

— Ты бы хоть валенки снял,— укорила мать.

— Где же он, мам? — нетерпеливо спросил Ваня.

Мать усмехнулась:

— Уже узнал!

— Значит, правда?

— Правда. Он в управление ушёл.

— А где мы ему койку поставим?

Мать помедлила с ответом, а потом сказала, как о чём-то само собою разумеющемся:

— Одна у нас свободная комната — люсиная. Пусть в ней живёт.

Ваня опешил. Сестра Люся уехала учиться в Москву, но в её комнате, маленькой, светлой, с окном в сторону Волги, всё оставалось, как было при ней: на окне её любимый цветок, на полке её книги, на тумбочке аквариум с рыбками, радужными, как нефтяные пятна в воде.

Сколько раз Ваня просил, чтобы комнату отдали ему, но мать говорила: «Тебе и в зале не тесно». Видно, квартирант попался хороший, стоящий, раз его поселили в люсиной комнате... Вот если бы такой, как дядя Яша!

— Как его зовут, мам?

— Пётр Сергеевич,— ответила мать, усмехаясь и как-то загадочно глядя на Ваню.

— Пётр Сергеевич...— повторил он с уважением.

На ступеньках крыльца закрипел снег. Ваня весь подался к двери, улыбаясь радостно и застенчиво, ожидая знакомства с новым жильцом.

Но через порог шагнул парнишка, низенький, широкоплечий, в толстом чёрном пиджаке до колен, в ушанке. Он был весь какой-то круглый, даже румянец на его щеках лежал кругами, будто нарисованный.

Ваня уставился на вошедшего, улыбка сошла с его лица.

— Где у вас, Анна Антиповна, веничек, лимы обмести? — весело и деловито осведомился тот, поблескивая маленькими серыми глазами.— А это и есть ваш сынок? Ишь, сразу видно — четвероклассник. Ну, здравствуй, будем знакомы.

Он сыпал словами, как мелким горош-

ком. Ваня никогда не слышал, чтобы так говорили.

— Здравствуйте,— недоуменно ответил он.

— Веник под вешалкой,— сказала мать.— А дела-то как? Назначение получили?

— Определился, Анна Антиповна, полный порядок. Завтра заступаю на работу во вторую смену.

Боднув мимоходом Ваню пальцем в бок, парень взял веник и вышел в сени.

— Кто это? Говорит как — ничего не разберёшь... И чего он хозяйничает? — растерянно обратился Ваня к матери.

— Хозяйничает правильно. Пришёл домой, значит, надо ноги обмести. Тебя вот никак к этому не приучишь.

— Домой пришёл?

— А куда же? — мать внимательно посмотрела на сына.— Не пойму я тебя, Иван... Сейчас только ты радовался, а теперь букой стоишь?

Радовался! Ему, что ли, Ваня радовался, этому мальчишке? Какой же это Пётр Сергеевич, строитель? Да у них в школе есть семиклассники побольше его. Наверное, поэтому Оля и подсмеивалась... А мать? Как ей не совестно? Говорила, что настоящий квартирант, и люсину комнату даже не пожалела...

— Ему и в зале было бы не тесно,— проворчал он, не помня себя от обиды.

— Что? — нахмурилась, спросила мать, хотя прекрасно слышала его слова.

— Да-а, мне, небось, комнату не дали, а его пустили ни с того, ни с сего,— продолжал Ваня с вызовом, всё больше горячась. Ему показалось уже, что обижен не только он, но и сестра.— Будто наша Люся больше домой не вернётся и комната ей не нужна!

— Очнись! — строго остановила мать и махнула на него рукой, точно испугалась, как бы его слова не накликали на Люсю беду. Потом, понизив голос, заговорила, поглядывая на дверь: — Мы же не навсегда комнату отдаём. У Люси каникулы не скоро, а комната всё равно пустует. Строители за это время, знаешь, сколько домов поставят?

— Пустует, пустует! — бормотал Ваня, уходя из кухни.

Он зашёл в люсину комнату, чтобы забрать свои шапки. Как тут было хорошо! На окне искрились морозные узоры. На потолке подрагивало, колебалось бледно-

зелёное пятно — отсвет от аквариума. Рыбёшки плавали, пятно на потолке будто струилось. Отблеск воды делал комнату похожей на каюту парохода. Запереться бы и никого не впускать сюда!

Хлопнула входная дверь, послышалась удивительная скороговорка. Сейчас придёт сюда новый хозяин в своих пимах... Ваня засуетился, схватил ящик с шапками, кинулся к выходу, вернулся... Солнечный заяц метнулся по потолку и погас.

Мать, поливая в зале цветы, увидела аквариум на окне, за занавеской.

— Зачем перенёс? — спросила она.

— Так... Тут лучше воду менять... Кухня ближе, — ответил Ваня, избегая её пытливого взгляда.

— Не пойму я тебя, Иван, — опять сказала она многозначительно.

Но Ваня догадался: понимает, видит его насквозь и не одобряет.

Вечером квартиранта пригласили пить чай. За столом Ваня разглядел его по-лучше. Без пиджака, в чёрной сатиновой косоворотке, он был тоныше, но всё равно круглый. Волосы короткие, торчат ёжиком, лоб большой, а нос... Ваня засмотрелся на этот нос: широкий, с ложбинкой на кончике, будто его хотели разделить пополам и чуть-чуть надрезали.

Мать не угощала своего Петра Сергеевича, не говорила, как гостю: «Кухайте, пожалуйста». Она по-свойски, просто показала на блюдо с ватрушками, на варенье. И он не церемонился: ел, пил, разговаривал.

— Махонькое у вас всё, — сказал он, оглядываясь, — и, будто лаковое, блестит.

Ваня тоже огляделся. Правда, всё блестело: белый косяк окна, стены, покрытые масляной краской, листья лимонной деревца. Мать улыбалась, довольная: ведь это её руки наводили кругом «лак», изгоняли каждую пылинку.

— Махонькое? — переспросил отец. — Ты, видно, к другим масштабам привык?

— К другим! — весело подтвердил квартирант. — У нас в общежитии в спальнях по десять коек стояло. А в столовой обедало сразу двести человек...

Он рассказал, что вырос без родителей, учился в ремесленном. Ваня заметил: мать ещё ближе подвинула к нему ватрушки.

— А ведь я тебе скажу, откуда ты родом. Мне и в метрики твои глядеть

не надо, — прищурившись, заявил отец. — Из вязских будешь, да?

— Из Кировской области.

— Ну, ясно. Киров-то город на Вятке стоит. Я ваш говорок сразу узнаю! — отец хохотнул и неожиданно зачастил: — Мы ведь по магушке Каме-то да по Вятке плавали, приходилось в молодые-то годы...

Все засмеялись, а Ваня рот разинул: отец так ловко подражал речи квартиранта.

— Откуда только не понаехал народ к нам на Волгу! — продолжал он уже серьёзно. — Ты, парень, за счастье считай, что сюда попал. Крепкий фундамент своей рабочей биографии заложись.

Против обыкновения отец не стал читать газету за чаем, сдвинул очки на лоб, засунул большие пальцы за жилетку, подмышки, откинулся на спинку стула. Он говорил про стройку, про свой нефтепромысел, спрашивал квартиранта, чему он обучен. И не величал его Сергеем, просто называл Петром.

Старый и молодой, они беседовали, как равные. Ваня видел: они нравятся друг другу. Что нравился отец — это было понятно, недаром его все зовут «душа-человек». А чего хорошего в этом носатом парне? И специальность у него, подумаешь какая, — сварщик!..

— Надо мне в комитет комсомола сходить, — сказал Пётр. — Где он у вас находится?

Отец стал объяснять, как найти комитет, но, взглянув на Ваню, предложил:

— Зачем одному плутать, когда провожатый есть. Прогуляйся, Ванёк, подыши воздухом перед сном, покажи дорогу.

— Ладно, — неохотно согласился Ваня.

* * *

На улице было морозно. Снег хрустел под ногами, будто лошадь жевала овёс, особенно под пимами Петра, который ступал тяжело, ставя правую ногу немного носком внутрь.

Одноэтажные, с круто поднятыми, высокими коньками крыш, дома ночью были похожи на большие разноцветные фонари. Они украшали склон горы праздничной гирляндой: их широкие окна светились красными, зелёными, оранжевыми огнями.

Из трубы самого дальнего дома, стоявшего выше других, поднимался дым голубоватой струйкой, прямой, как натянутая

— Товарищ Бойченко, возьми меня в свою бригаду, — зачастил Пётр.

нить. Казалось, дом-фонарь подвешен на ней к тёмному небу...

— Обжитой городок, весёлый... Неужто ему только третий год? — удивился Пётр.

Можно было идти короткой дорогой, через площадь, но Ване захотелось ещё больше поразить приезжего, и он повёл его по новым улицам, мимо больших зданий, выстроенных летом. Он сам любовался детским садом с лепными петухами над входом, Домом культуры с белыми колоннами. Чувствуя себя хозяином, которому есть что показать, он степенно объяснял на ходу:

— Это гостиница... Там строится больница... За углом наша новая школа...

Пройдя мимо последних домов, путники вышли на пустынную широкую дорогу и только тут заметили одинокую луну. Окружённая двумя кольцами желтоватого сияния, она висела в бездонной синеве и будто источала на землю поток холода. Справа и слева темнели молчаливые горы, посеребрённые лунным светом.

Из-за поворота дороги показались фары автомашины, оцупывающие путь: вынырнула сама машина, прорезал тишину сигнальный гудок. Словно большое чуд-

ное животное, слегка покачивая хоботом, прошёл автокран.

Посторонясь, Пётр засмеялся:

— Видал ихтиозавра?

— Не похоже, — сказал Ваня, — ихтиозавры не такие.

— Ну? — весело удивился Пётр. — А ты откуда знаешь?

— Знаю. Это наполовину рыба, наполовину ящер. Хищное пресмыкающееся. В лусной книжке про него написано, и картинка есть.

Ваня подумал, что Пётр смутится: ведь попал впросак. Но Пётр простодушно признался:

— Значит, слышал я звон, да не знаю, где он. Читал где-то: ихтиозавр — древнее чудовище, а толком не разобрался. Ты мне покажи книжку, непременно покажи, учёный человек!..

Впереди возникла новая картина: бесчисленные бледные столбы от фонарей поднялись из котлована высоко в небо. Они стояли, как свечи в огромной чаше. У их подножий вспыхивали молнии электросварки, будто какой-то великан чиркал спичкой, чтобы зажечь эти свечи, а спичка всё не загоралась. Шум работы не доносился сюда, но и по огням было видно, как по-богатырски хозяйничал человек среди лесистых громад. Что ему ночь, стужа, мёрзлая земля!

Дом, в котором помещался комитет комсомола, стоял на полпути от городка до котлована. Он был вехой будущей улицы.

— Сюда, — показал Ваня, и Пётр толкнул дверь.

Шурясь от яркого света, они встали на пороге, и все, кто был в комнате, обернулись к ним. Здесь, видно, шло совещание. За столом сидело человек восемь.

Ваня узнал секретаря Андрея Радова. Его узкое лицо с маленькими глазами, густо затенёнными ресницами, с тёмным пухом над верхней губой было бледно, но оживлённо. Он показал Петру на пустую скамью у печки.

→ Придётся немного обождать, товарищи. Мы сейчас кончим.

Пётр и Ваня послушно сели, сняли шапки.

Радов постучал карандашом по столу, попрыгал красной материей, кое-где испятнанной чернилами, и предложил:

— Давай, бригадир, заключаай.

Из-за стола поднялся большой человек. Ваня так и заёрзал на скамье при виде его. Бригадир был молод, как и другие комсомольцы, что сидели здесь, но его лоб пересекала глубокая поперечная морщина, залегающая между бровями чуть-чуть наискосок. Широкие скулы и крупный подбородок делали его лицо почти квадратным, массивным. Гладкие тёмные волосы, откинутые со лба назад, под лампочкой отливали едва заметной рыжиной. Такая же золотистая рыжинка просвечивала в его карих глазах.

На бригадире был тёплый полушубок, под полушубком — чёрная куртка, а из-под куртки, у крепкой шеи, виднелся трёхулырный полосатый тельняшник.

— Бойченко,— шепнул Ваня, ничего больше не объясняя, и по его восторженному тону Пётр понял, что перед ним знаменитый человек.

— Что же,— начал Бойченко и развёл большими руками,— кажется, мы всё обмозговали как следует. План готов, каждый своё место знает, хоть сейчас наступать. И огонёк есть, вот что важно. Этот огонёк Виктора Лещёва на работу за час до смены торопит, хотя наш Витя и горазд поспать. Этот огонёк подкасал Феде Котельникову, как собирать фермы копра в четыре раза быстрее. Короче, комсомольский огонёк. Как сказал здесь Костя Долгунцов? «Боевое задание выполним по-боевому». Разве это простые слова? Это присяга, ребята, я так считаю...

Бригадир называл имена своих товарищей, а те — один бровью поведёт, другой заальётся румянцем, третий пробарабанит пальцами по столу или закусит губу, и Ваня с Петром угадывали, кто из них Витя, кто Фёдор, кто Константин.

— Весна не ждёт, перемычку надо успеть поставить, копёр нужен дозарезу. Значит, сделаем,— смонтируем не за пятьдесят дней, а за неделю. Так и запиши, товарищ Радов, отвечаю за своё подразделение, как фронтовик,— закончил Бойченко.

Все поднялись, заговорили, взволнован-

ные, воодушевлённые. Пётр тоже встал, решительно подошёл к бригадиру и зачал:

— Товарищ Бойченко, возьми меня в свою бригаду. Хочу быть на передовой, где потруднее. Жаловаться на меня не придётся, буду на совесть работать, за тем приехал.

— Пстой! пстой! ты как из пулемёта строчишь! Откуда ты взялся?..

Дядя Яша и Радов стали расспрашивать Петра, кто он, когда приехал, был ли в отделе кадров.

Ваня сидел один на скамейке. Кончилась его роль провожатого, его хозяйское превосходство над приезжим. Тот вроде уже и забыл про него. Вон как смело с самим Бойченко говорит, прямо на «ты»!.. А вдруг Пётр понравится дяде Яше, как понравился ванному отцу? В самом деле, не так уж он плох. Пусть ростом пониже других членов бригады, пусть помоложе, но руки-то у него тоже вон какие крепкие, взгляд какой серьёзный. И ремесленное кончил...

Ваня готов был простить Петру своё разочарование и обиду. «Дядя Яша, возьми его, дядя Яша, возьми»,— твердил он про себя, как заклинание.

Но бригадир спрашивал-спрашивал, а под конец сказал:

— Видишь, друже, какое дело: бригада моя укомплектована. Тебе бы хоть на день раньше приехать. Только нынче ко мне новичка-сварщика отдел кадров послал. Придётся тебе идти, куда назначили, а дальше видно будет; нам тут долго вместе жить. К тому же у нас на стройке везде передовая линия, на какой участок ни встань.

— Везде-то везде,— возразил Пётр,— да мне к вам хочется.

Он заметно огорчился, а Ваня расстроился ещё больше. Если бы Пётр показался дяде Яше подходящим, разве он не принял бы его?

И опять он увидел Петра таким, как утром: низеньким, неуклюжим, носатым. Ну куда такому до знаменитой бригады? Больно много захотел... «Иди, куда назначили...»

* * *

На другой день в классе Ваня спросил Олю:

— Почему не рассказываешь, какое дело затеял ваш дядя Яша?

Оля удивилась, её синие глаза стали

похожи на круглые пуговицы с чёрными точками посредине.

— Чего он затеял?

— Про других знаешь, а про своих нет,— укорил её Ваня, намекая на вчерашнюю встречу.

Торопясь, пересказал он речь Бойченко, описал членов его бригады и вдруг неожиданно для самого себя добавил:

— И нашего квартиранта, Петра Сергееча, Бойченко взял в бригаду, сказал, что человек подходящий...

Взглянув на доверчивые лица товарищей, Ваня покраснел. Но ребята, к счастью, не обратили внимания на его последние слова. Они обсуждали главное:

— Пятьдесят разделить на семь... Эх, значит, монтируют в семь раз быстрее! Вот это да!..

— А думаешь, легко собрать копёр? Такую вышку на одной платформе не привезёшь, по частям надо везти.

— Там не только вышка; есть ещё паровой молот, котёл, лебёдка; помните, летом смотрели?..

Все вспомнили тот горячий летний день, когда отряд с вожатой Раисой ходил на экскурсию в котлован. Кто-то из пионеров заметил тогда, что копёр похож на нефтяную вышку, поставленную на паровоз, и все смеялись такому сравнению. Но другого сравнения никто не придумал, новая машина не была похожа ни на что виденное прежде. Это был сухопутный паровой копёр, он стоял на рельсах, проложенных на берегу до самой воды. На платформе, блестя круглыми боками, чернел котёл. В его топке пылало жаркое пламя, коцегар шуровал в ней длинной кочергой. Сквозная вышка, сделанная из металлических переплётов, казалась очень хрупкой. Когда ребята смотрели с земли на сквозную вышку, на верхушке которой трепетал выгоревший на солнце флажок, она представлялась им такой высокой, что, казалось, могла зацепить в небе пухлое облачко. По ней вверх и вниз сновал паровой молот весом в несколько тонн.

Молот забивал в землю железные шпунтины — длинные полосы, похожие на неглубокие корытца. Когда одна шпунтина почти вся уходила в грунт, машинист давал свисток. (Вот этот-то свисток да султанчик белого пара над медной трубкой и напоминали о паровозе.) Молот замедлял, копёр немножко подвигался по

рельсам к Волге, будто делал один шаг. Снова раздавался свисток, копёр останавливался, и молот принимался забивать другую шпунтину. Звонкие удары следовали один за другим, один за другим, шпунтовая стенка росла и росла...

И теперь, зимой, паровые копры стоят полукругом на Волге. До ледохода там должна быть сделана крепкая перемычка, которая отгородит часть реки. Здесь тоже будут рыть котлован — продолжение берегового, — потому что здание ГЭС одним краем встанет на берегу, а другим выдвинется в Волгу.

Всё это ребятам было известно, они понимали, почему монтажники взялись собрать копёр быстрее положенного: Бойченко же сказал, что весна не ждёт.

На большой перемене в класс пришла вожатая Раиса. Она принесла газету «Гидростроитель» — маленький листок, чуть побольше классного журнала.

— Смотрите-ка, — сказала она, высоко подняв газету.

«Поддержать патриотический почин комсомольцев! Создать все условия бригаде товарища Бойченко для скоростного монтажа копра!» — было написано на странице.

— А мы знаем: за семь дней вместо пятидесяти, — выпалил Ваня.

— Точно! — обрадовалась Раиса. — Уже знаете? Молодцы! А я хотела прочитать вам про обязательство комсомольской бригады. Такое дело замечательное...

Ваня смотрел на вожатую сияющими глазами. Как она всегда угадывает самое интересное, самое нужное!

— Всё равно, давайте прочитаем, — сказал он.

— Давайте, давайте! — зашумели ребята.

Раиса села за стол. Тоненькая, высокая, в форменном коричневом платье и чёрном фартуке, коротко остриженная, как мальчик, она была давнишним товарищем своих пионеров. Сколько обходили они с ней лосиных тропинок по оврагам, сколько решили трудных задач, сколько переговоров обо всём на свете! Как же ей было не догадаться, что для них сейчас самое интересное!

Прочитав короткую заметку, вожатая обвела ребят задумчивым, будто оценивающим взглядом, помолчала немного.

— Знаете что? — спросила она. — Хотите вести летопись?..

Раиса переставила стул от учительского стола ближе к партам.

— Сейчас я вам всё расскажу... На комитете комсомола решено: мы, старшеклассники, будем дружить с молодыми строителями, ходить к ним на работу, приглашать к себе в школу. И всё-всё самое интересное будем записывать. Сколько мы тут увидим, пока строится наша ГЭС! И получится у нас летопись комсомольских дел. Понимаете?

Этого она могла и не спрашивать; глаза ребят без слов говорили: «Понимаем, понимаем!»

— И нам можно так! — воскликнул Ваня.

— Конечно! — живо подхватила Раиса. — Я уже представляю себе первую запись в вашей летописи. Её можно назвать «Боевая неделя», правда? Вы напишете про монтаж копра, про Бойченко и его товарищей.

Раиса посоветовала Ване написать о том, что он слышал накануне в комитете комсомола.

— Оля, а ты каждый день спрашивай у дяди Яши, как идёт работа, — предложил кто-то.

— Верно, Оля, ты можешь даже дневник вести, хоть коротенько, — сказала вожатая. — Давайте, ребята, ей и поручить отвечать за летопись. Она у нас хорошо пишет.

Никто против этого не возражал.

— Смотри, хорошенько расспрашивай.

— Так и говори, что это не одной тебе нужно, а всему отряду, — сыпались наказания.

Только Ваня молчал. Конечно, летопись — общее дело, все будут в ней участвовать. Но всё-таки он первым узнал о монтаже, Ольга даже ничего не слышала. Почему же теперь ей поручается главная роль? Пишет она хорошо, это правда, но дело не в этом, а в том, что дядя Яша — её квартирант...

Оля была рада. На уроке она сидела смиреннее, чем всегда. Тугая

косичка на её спине не моталась, как обычно, маятником, туда-сюда.

— Сидит, будто её в президиум слёта выбрали! — шепнул Ваня Саше, соседу по парте.

Неторопливый, простодушный Саша внимательно посмотрел на него, на Олю, подумал...

— А ты тоже, Вань, веди дневник. Бойченко же взял вашего Петра Сергенча в бригаду, ты сам говорил.

Ваня смеялся и закусил губу. Никогда он ничего не пропустит мимо ушей, этот Саша, хоть и доходит всё до него как будто не сразу...

— Говорил, говорил, — буркнул Ваня, — мало ли чего говорил, а ты до конца не дослушал. Нашего Петра Сергенча отдел кадров не отдаёт. Отдел кадров — это знаешь, что такое? О!..

Широко расставленные чёрные глаза Саши выражали недоумение: отчего же ты сердиться?.. На его выпуклом лбу появились две морщинки.

— Хмурься, хмурься, может, к завтраму ещё чего-нибудь вспомнишь, — отрезал Ваня и отвернулся от вопрошающего взгляда.

Дома он прежде всего спросил, где Пётр.

— Где же ему быть? На работе, — ответила мать. — Разве ты не слышал вчера,

На большой перемене в класс пришла вожатая Раиса. Она принесла газету «Гидростроитель».

что он назначение получил? Ушёл во вторую смену.

«Иди, куда назначили», — вспомнилось Ване. Да, всё оставалось попрежнему...

Он сел за уроки, но часто вскакивал, глядел в окно, из которого было видно крыльцо соседнего дома.

— Что это ты? — рассердилась наконец мать. — Все бы так уроки учили! Не бойся, ни гора, ни лыжи никуда от тебя не убегут.

Эх, разве он этого боялся? Ему хотелось уследить, когда придёт домой дядя Яша. Пусть не ему, Ване, а Оле поручено вести дневник, но кто знает, сумеет ли Оля толком расспросить бригадира. Вдруг устит самое важное?

Вечером Ваня пошёл к соседям. Сначала он спросил Олю, решила ли она задачу.

— Ой, да она совсем лёгкая! — сказала Оля. — Садись, я тебе объясню.

Ваня сел за покрытый белой клеёнкой стол, Оля достала тетрадь.

— Вот, смотри...

Он терпеливо слушал, хотя решение задачи было ему известно. Украдкой он взглянул на вешалку: здесь ли знакомый чёрный полшубок?

Вдруг Оля замолчала: она перехватила его взгляд. Ваня смутился. Вдруг она сейчас скажет: «Ищешь? От своего квартиранта к нашему дяде Яше бегаешь?» Но Оля, как сообщница, зашептала:

— Подумай, две смены прошло, а его всё нет. Я нынче спать не лягу, пока не дождусь...

Долго пришлось бы бодрствовать Оле, если бы она стала дожидаться Бойченко. Прошёл день, другой, третий, но ей так и не удалось его повидать: он сутками «пропадал в котловане», как говорила олина бабушка, там и спал в теплушке и обедал в столовой. Домой забегал по утрам, когда Оля была в школе.

Как тут вести дневник? Оля сделала папку с яркой надписью «Боевая неделя», но папка оставалась тощей. В ней лежала первая ванина записка да та газета, которую принесла Раиса. Следующий номер газеты должен выйти лишь в конце недели, стало быть, в нём напишут уже про окончание монтажа. А что делается в бригаде сейчас?

Оля ходила скучная, будто была в чём-то виновата.

— Ну, для летописи дневник не обяза-

телен, — утешала её Раиса, — а твой неуловимый дядя Яша придёт потом к нам в отряд и обо всём расскажет. Я договорилась об этом с товарищем Радовым, он обещал. Пока же вот возьми полный список бригады.

— Лещёв, Котельников, Долгунов, Черемных, Парамонов... — читал Ваня.

Не все фамилии были ему знакомы, но он заучил их наизусть все до одной.

* * *

В воскресенье — это был уже шестой день боевой недели — Ваня проснулся с неприятным, щемящим чувством. Ему показалось: кто-то ломится в дом, трясёт раму окна, шершавой лапой водит по стеклу. Слышится злое повизгивание, свист...

Увидев у окна силуэт матери, Ваня испугался ещё больше.

— Кто там, мама? — шёпотом спросил Ваня и сел.

— Опять в нашей трубе выюшки открылись, — тихо сказала она. — Такой сквозняк поднялся, с ночи снег дуром несёт. Отца нынче нечего и ждать, не придет на выходной.

Ваня знал: «трубой» мать называет ложину между гор, где приютился их городок. Здесь и правда, как в трубе, всегда есть тяга. Даже когда на горах деревья стоят, не шелохнутся, тут, внизу, ветви придорожной берёзы всегда слегка на отлёте, словно она тянется вся к Волге.

— Всем нынче досталось и ещё достанется, — продолжала мать. — Вот и Петя не приходил домой. Пиджак-то у него не сильно подходящ для такой погоды, поди-ка, до костей пробрало.

— Петя? — удивился про себя Ваня. — Не Пётр Сергеевич, а Петя... Совсем, видно, мама его своим считает...

Сам он в эти дни почти не встречался с Петром: тот приходил домой поздно, когда Ваня уже спал. Несколькое раз, правда, слышал он сквозь сон вяскую скороговорку, которая доносилась из кухни, где мать кормила Петра ужином. Да ещё однажды утром, уходя в школу, столкнулся с Петром в сених. Квартирант нёс охапку дров. Оказывается, он поднялся пораньше и наколот во дворе целую поленину.

— Здорово, Ванёк! — весело сказал он. — Когда же ты мне ихтиозавра покажешь? В воскресенье, что ли?

— Ладно,— ответил Ваня.

— Что-то ты всё дичишься,— не то спросил, не то упрекнул Пётр.

Вот и вся встреча...

Сейчас он, пожалуй, хотел бы, чтобы Пётр был дома. Интересно всё же, где он работает?.. Да и вообще с ним было бы сегодня лучше, а то они вдвоём с мамой, будто в осаде.

— Спи, куда в такую рань вставать,— сказала мать.— Спи!

Она вышла, плотно прикрыла дверь. Но Ваня уже не мог уснуть. Слушая сердитый шум ветра, он думал об отце. Наверно, дежурит, сидит в тёплом бараке... Ваня бывал у отца, и в памяти у него остался запах сосновой смолки от новых бревенчатых стен... А что делается в котловане?.. Ой, а как же монтаж?!

Он вскочил с постели.

Прижавшись носом к стеклу, Ваня стал смотреть на улицу. Всё пространство перед глазами было заполнено мучущимися снежными хлопьями. Они суетились, кидались на окно, липли к стеклу, будто цеплялись за это скользкое пристанище, чтобы отдохнуть, вырваться из суглоки.

Нет, пожалуй, монтажники не смогут работать в такую метель. Что же это будет? Неужели не сдержат слова, не уложатся в срок?

Вьюга бесновалась ещё долго. Только во второй половине дня, вдоволь натешившись, ветер стих, прилёг на взбитые пуховики непролазных сугробов. Изредка он шевелился, и с гребней сугробов сбегали лёгкие струйки позёмки.

На улице сразу стало многолюдно, зашуршали метёлки по крыльцам, заскребли лопаты. Анна Антиповна повязала шаль, надела шубу, поставила в плетёную сумку зелёную миску.

— Ты куда, мама? — спросил Ваня.

— Схожу в управление, узнаю, где Пётр застрял. Пирожков вот ему отнесу, если он близко. А нет, так попрошу кого-нибудь передать. Ты погуляй пока, дорожки размети.

— Как ты пройдёшь по такому снегу?

— Ничего, валенки у меня высокие. А контора недалеко, доберусь.

Голоса на улице звенели почему-то особенно громко, воздух был прозрачен и мягок. Дома с высокими нащёлками на крышах стали похожи на белые грибы. Ваня видел, как на перекрёстке мать встретила с какими-то мужчинами, по-

здоровалась, пошла за ними, по их следам. Все они брели, будто по воде, медленно переставляя ноги, смеялись чему-то.

«Петя, Петя, всё Петя...— думал Ваня.— Пирожки ему понесла... А что, если... Что, если от Сидоровых кто-нибудь тоже пойдёт к дяде Яше? Правда, котлован не близко...»

Возле соседнего дома никого не было. Но в крайнем окне Ваня увидел оливолицо. Оля кивала ему, делала рукой какие-то знаки. Присмотревшись, он понял: она велит ему подойти к крыльцу.

Проваливаясь в снег чуть не по пояс, он пошёл. Звякнула шеколда, Оля выглянула из двери. Лицо у неё было расстроенное.

— Вчера дядя Яша был,— заговорила она торопливо,— хотел ночевать, а как метель задула, опять ушёл.

— Ну?! — воскликнул Ваня.— Значит, ты его расспросила?

Оля отрицательно помотала головой. Она хотела сойти с крыльца, но ступеньки были так занесены снегом, что слились в сплошную горку. Тогда она присела на корточки, чтобы быть поближе к Ване, и, жалобно глядя на него, сказала:

— Он ночью приходил...

— Прospала! — догадался Ваня. Негодование, презрение, досада были выражены в этом возгласе. А взгляд, которым он смерил девочку, говорил: «Кому достался такой квартирант?! Кому?!»

— Если бы я знала, что он придёт, разве уснула бы? А мама не разбудила, — оправдывалась Оля.— Думаешь, мне самой не жалко? Ещё как жалко-то!

Синие льдинки — олины глаза — вдруг словно подтаяли, из них выкатились светлые капли.

Ваня поморщился. Отругать бы её как следует, засоню, высмеять бы, да что следует? Сидит теперь, слёзы льёт.

— Сразу и реветь, — сказал он хмуро, — сразу уж и реветь... А чего реветь, если я сейчас сам к дяде Яше поеду...

— Как пойдёшь? — шмыгая носом и щуря мокрые ресницы, недоверчиво спросила Оля.

— Очень просто, на лыжах, — ответил он, будто это было давно решено. — Может, передать ему что-нибудь? Моя мама вон нашему Петру Сергеевичу пирожки понесла.

Оля вскочила, будто в ней распрямылась пружина.

— Записала, Женя? — спросил Радов. — Каковы ребята? Золото, говоришь?

— У нас тоже постряпушки есть. По-
дожди, мы с бабушкой соберём!..

Вскоре двое лыжников вышли на доро-
гу, ведущую к котловану. Впереди раз-
машистым шагом шёл Ваня, снаряжён-
ный, как охотник, — с сумкой у пояса. За
ним следовал Саша. Ему было неудобно
идти: новые, ещё не обмятые по ноге ва-
ленки не гиулись, давили щиколотки, —
но он изо всех сил старался не отставать.

Мальчики встретились на улице, и раз-
говор у них был короткий.

— Наша «ответственная» дядю Яшу
проморгала, — сказал Ваня. — Неделя
кончается, а мы ничего не знаем. В об-
щем я туда.

— Думаешь, они сегодня работали?

— А то нет!.. Может, им помочь в чём-
нибудь надо...

— Тогда лучше бы всех ребят позвать.

— Некогда звать! Только бы успеть
засветло добраться до Волги. Ну, я по-
шёл.

— И я с тобой, Вань.

Теперь друзья «нажимали». Серое низ-
кое небо начинало как бы густеть. Каза-
лось, оно опускается ещё ниже, ложится
на крутые плечи гор...

Вскоре показались стрелы экскавато-
ров. На крышах кабин экскаваторов ле-
жали толстые снежные одеяла. Но маши-
ны не спали под этими одеялами, — они

гудели, ворочались, опускали и поднима-
ли длинные стрелы с ковшами. Перед
ними на ослепительно белом фоне ярко
выделялись темнорыжие пятна глинистого
забоя.

По свежеекатанной дороге самосвалы
отвозили глину от экскаваторов. Людей
нигде не было видно, но ведь это их
неутомимые, крепкие руки заставляли
кланяться стрелу с ковшом, опрокидыва-
ли кузов самосвала, чтобы сыпать грунт
в отвал, вели машину с косым шитом,
сгребающим на сторону громадные
сугробы.

— Значит, и наши работают, — сказал
запыхавшийся Саша, вытирая варежкой
потный лоб.

Он рад был остановиться и передох-
нуть. Но Ваня уже бежал дальше, к Вол-
ге, где возвышались копры. Их верхушки
кутались в лёгкие облачка пара... Вот
уже и звонкие удары паровых молотов
стали слышны: конечно же, на перемышке
тоже шла работа.

Только один копёр на берегу молчал и
не кутался в пар. На его сквозной башне
копошились люди. Снизу они казались
крохотными.

— Вон, — крикнул Ваня, — стоит вы-
щечка!

Мальчики ринулись по свежей лыжне
вниз с откоса.

Но не так-то просто было попасть на монтажную площадку. Она находилась на территории котлована, отгороженной от дороги, и в проходной будке, как на любом заводе, дежурный спрашивал пропуска. Свежая лыжня и вела прямо к этой будке.

— А ведь у нас пропуска нету,— спохватился Саша.

— Ну, попросимся,— беспечно возразил Ваня и похлопал по сумке, висевшей у пояса,— мы с посылкой.

Однако, сколько они ни просили, молодцеватый вахтер в защитном ватнике и солдатской ушанке был неумолим.

— Пропустите нас, дяденька,— уговаривал его Ваня.— Мы не просто так, мы по делу к товарищу Бойченко.

— У Якова Михайловича дел и без вас хватает.

— Мы к нему с посылкой.

— Посылку передадим. Пойдёт туда кто-нибудь свой и захватит.

— А мы чужие, да? Мы как раз свои.

— Ничего не знаю...

— Эх, и зачем только эти пропуска придумали! — всердцах сказал Ваня.

Вахтер презрительно усмехнулся.

— Зачем? Да если бы открыть ворота, экскурсанты весь котлован заполнили бы. Работать было бы некогда. А вы, пионеры, должны понятие иметь, что в самом сердце стройки людей без разбору пускать нельзя. Известно вам, что такое бдительность?

— Но мы здешние, дяденька...

Кто знает, сколько времени препирались бы ещё ребята с вахтером, если бы в проходную не вошёл Радов. Он мельком взглянул на мальчиков и снял телефонную трубку.

— Девушка, обеспечьте мне скорее город,— наклонившись к аппарату, потребовал он.— Вот спасибо... Город? Редакцию, пожалуйста. Да, да... Кто? А, Женья, привет! Узнала? Ну и хорошо. Примешь информацию? Срочную, прямо с монтажа.

Дежурный привинул Радову табуретку, тот нащупал её рукой, не глядя, сел и стал торопливо листать записную книжку.

— Готова, Женья? Пиши: «Бригада Якова Бойченко одержала новую трудовую победу. В трудных условиях минувшей ночи комсомольцы не прекращали

работы. Из-за пурги не видно было даже света прожекторов, но никто не покинул своего поста. И даже те, кто отдыхал после смены, пришли на помощь товарищам...»

Радов диктовал громко и торжественно, будто читал стихи. Ваня и Саша стояли, не шевелясь, у двери, рядом со своими лыжами, прислонёнными к стенке. Он отяжалою взглядом взглянул на них, потом ещё раз и ещё.

Радову трудно было удержаться от улыбки: Ваня стоял впереди, полуоткрыв рот и подняв брови двумя уголками, и слушал так внимательно, что казалось, он глотает каждое услышанное слово. А Саша, вытянув шею, насторожённо выглядывал из-за его плеча.

«...Все члены бригады проявили стойкость, выдержку, сноровку,— продолжал Радов.— Наряду с Бойченко отличились сегодня Долгунцов, Колесников и особенно Черемных и Широков. Последние несколько часов провели на башне, на высоте в тридцать с лишним метров...» Записала, Женья? — спросил секретарь другим, обыкновенным голосом.— Каковы ребята! Золото, говоришь? Не то слово, Женья, совсем не то. Золото цену имеет, а им цены нет! Ну, ладно, запиши ещё кощовочку, в ней весь гвоздь.— И он опять стал диктовать: — «Монтаж в основном закончен. Завтра будут подняты пары, испытано давление, и копёр вступит в строй!»

Положив трубку, Радов обратился к мальчикам:

— Вы что тут прижались, как суслики?

— Понимаешь, товарищ Радов, силком лезут, на горло наступают, пусти их к Якову Михайлычу, и всё тут! — пожаловался вахтер.

Ваня торопливо объяснил цель прихода.

— Так это ваша вожатая мне звонила,— вспомнил секретарь.— Значит, вы летописцы и есть?

Боясь, что он тоже упрекнёт их в несознательности, как это сделал вахтер, Ваня сказал:

— Если нельзя туда пройти, так не надо. Только вы, пожалуйста, дайте нам вот эти записки, которые сейчас читали. Мы завтра с утра покажем ребятам и в летопись перепишем, а то газета когда ещё придёт.

Радов вырвал из записной книжки несколько листов и отдал их Ване, коротко так и расцвёл.

Самое главное было сделано! Но теперь ребятам ещё больше хотелось побыть у копра... Ваня оглянулся на Сашу: не придумает ли он чего-нибудь?

— А мы тут разные пышки-лепёшки принесли, — напомнил Саша, — их на всю бригаду хватит: вон сколько!

— Ну, нынче их совсем закромят — посылка за посылкой, — засмеялся Радов. — Подождите уж, я схожу к главному дежурному начальнику.

Скоро он вернулся с пропуском и повёл ребят на монтажную площадку.

Копёр стоял во всей своей красе — стройный, громадный. Неподаляку выглядели автокраны: один обыкновенный, небольшой, вроде грузовика с хоботом («Ихтиозавр», — вспомнил Ваня), другой как вагончик с длинной стрелой, похожей на стрелу шагающего экскаватора. Только на её конце висел не ковш, а здоровенный железный крюк.

— Башню на земле собирали, а потом кранами поднимали, ставили, — объяснил Радов мальчикам. — Сейчас вверху последняя сварка идёт.

С высоты, оттуда, где на чёрных перекладинах стояли два человека, сыпались искры.

— Вон тот, что повыше, — Чермных, — продолжал Радов. — Молодец парень! Ночью не его смена работала, а он пришёл помогать и прямо на самый верх пошёл, в самое злое место. Немного поспал в теплушке и вот опять работает.

На верхолазов, стоявших на скользких прутьях-ступеньках в холодной вышине, было страшно смотреть. А как же они держались там ночью, в самой гуще метели?

— Ой! — поёжился Саша.

— А где же Бойченко? — спросил Ваня, не видя среди монтажников бригадир.

— Отдыхает, навоевался. Вчера сам автокраном управлял, ночью котёл обмуровывал и до тех пор не ложился спать, пока пурга не утихла, пока снег не расчистили. Двужильный человек. Я уж не ходил в теплушку, чтобы его не будить.

— Это про меня, что ли, речь? — раздался сзади голос незаметно подошедшего Бойченко. — Меня не хотел будить, товарищ Радов? А мне и самому не спит-

ся, никакого вкуса к этому делу нет. Так сюда и тянет, что ты будешь делать! Вот уж завтра наверстаем. Лично я такого храпака задам, только держись...

Бойченко говорил, а его большие глаза с рыжиной внимательно осматривали копёр. Обежали его снизу доверху и повеселели, смягчились, сдержанная улыбка тронула его губы.

Ваня тоже неловко заулыбался.

— Дядя Яша, а мы... — начал было он, но в это время сверху закричали звонким тенорком: «Яков Михалыч, у нас всё-о-о!» — и Ваня стремительно обернулся на голос. Саша с удивлением увидел, как его друг медленно пошёл к вышке, стараясь разглядеть того, кто спускался по железным ступенькам.

— Давай, давай, приземляйся, — радостно подбадривал бригадир.

Один верхолаз был уже внизу, но Ваня не сводил глаз с другого, который спускался спиной к Ване. Он спускался быстро, немощно по-медвежьки ставя ноги внутрь носками. Вот повернулся, прыгнул на снег...

Кто же это стоял у копра, очень знакомый Ване и в то же время незнакомый? Он был в длинном полушубке, замазленным до сизого блеска, будто его натёрли графитом. Поднятый воротник стоял выше головы, как у боярина, а спущенные уши низко надвинутой шапки туго облегали лицо, почти закрывая щёки. Только глаза блестели из-под мехового козырька да виднелся покрасневший, глянцевиный, широкий нос. Разве был ещё у кого-нибудь такой приметный нос, с ложбинкой на кончике? Но он теперь не казался Ване смешным и растяпистым.

— Вроде всё сделано в верховой части подчистую, — посыпалась скороговорочка. — Можешь проверить, Яков Михалыч.

— Замёрзли, сварщики знаменитые? — спросил бригадир. — Ишь, Петро, нос-то у тебя, как у деда Мороза, горит! Пошли в теплушку, пора перекур устроить.

Ваня был поражён, обрадован неожиданной встречей. Как хотелось ему броситься к Петру! Он и побежал было к нему, к своему квартиранту, но вдруг остановился. Что-то удержало его, помешало громко выразить радость. «Всё дичишься?» — вспомнил он не то вопрос, не то упрёк. А может, Пётр догадывался, почему он дичился? Может, понимал, что Ваня знает его не хотел...

Ваня смущённо оглянулся по сторонам. Он уж готов был спрятаться за кого-нибудь, но тут Пётр заметил его.

— Ванёк! Ты как сюда попал, Ванёк?

И оттого, что сказал он это так просто, по-родственному, Ваня закричал ликующим голосом:

— Петя! — подскочил к нему, схватил его за руку.

— М-м-м,— простонал Пётр, скрипнул зубами, зажмурился. Его лицо исказилось, побледнело, и стали очень заметными тёмные волоски на самой середине подбородка, росшие полосой от нижней губы вниз.

Ваня испуганно выпустил его руку. Бригадир шагнул к Петру, обнял за плечи.

— Ты что, малец?

Из-под мехового козырька глянули на него виноватые глаза.

— Руку повредил?

Пётр часто заморгал, перевёл дыхание, опустил руку и помахал ею. Видно, боль, пронизавшая руку, проходила.

— Это ничего,— как-то жалко улыбувшись, сказал он,— я её ночью маленько обморозил.

— Ночью? Там, наверху? — спросил Радов.

— Ага... Рукавицу упустил...

— Как?

— Да залепило мне лицо снегом, я и снял её, хотел глаза протереть. А ветер как толкнёт! Я хоть и привязанный был, но за перекладину ухватился головой-то рукой. А рукавицу поминай, как звали...

— И вся кожа с ладони там осталась?

— Ну, не вся,— возразил Пётр.

Радов покачал головой и укоризненно посмотрел на бригадира.

— Зачем молчал? — заремел Бойченко. — Почему я ничего не знаю? Я бы тебя нынче близко к копру не подпустил!

Пётр побледнел ещё больше, губы у него дрогнули, взгляд стал упрямым.

— Кажется, я неплохо сегодня работал... А говорить не хотел. Вот кончил дело, теперь говорю. Да, растяпой ночью оказался, виноват, сознаю. И за рукавицы деньги отдам из полочки, а эти я пока у Фёдора взял.

Бойченко озадаченно уставился на него и вдруг захохотал.

— Слыхали, ребята? И вину сознаёт и деньги заплатит.— Он опять обнял Петра и добавил с грубоватой, но сердечной лаской: — Дурно-ой, разве об этом речь? Болит рука-то?..

— Замёрзли, сварщики знаменитые? — спросил бригадир.

Саша дёргал сзади подол ваниной куртки и всё порывался что-то спросить.

— Как же ты говорил...— шептал он Ване на ухо, но тот только отмахивался:

— Да погоди ты!..

* * *

В теплушке было тесно и жарко. На железной печке фыркал никелированный чайник. Его сдвинутая набекрень крышка подрагивала и дребезжала, из носика напористо выбивался пар, казалось, чайник вот-вот сорвется с места, такой у него был боевой вид.

А на столе красовалась зелёная миска, та самая, которую ванна мать унесла из дому. Оказывается, её захватил Радов, встретивший Анну Антиповну в конгоре, где она спрашивала про Петра.

Когда к пирожкам прибавились пышки олинной бабушки, пир пошёл горой. Монтажники сидели на лавках, пили чай, вспоминали подробности ночных событий: как разогрели обледеневшие, намертво схваченные морозом винты и гайки, соединяли порванные, спутанные ветром провода.

— Имейте в виду, здесь находятся летописцы,— сказал Радов, кивая на Сашу с Ваней, которые сидели в уголке, прижавшись друг к другу. Смущённые общим весёлым вниманием, они улыбались, краснели и слушали, слушали...

— Расскази, Пётр, как ты без рукавицы работал: это и нам в диковину,— попросил знакомый Ване Костя Долгунцов, высокий и тоненький, как девушка.

Пётр досадливо поморщился, ответил с явным неудовольствием:

— Ну, обмотал руку шарфом, обвязал потуже, и всё тут. Чего особенного? Хвантил об этом, пожалуйста.

«Чего особенного!» — возмутился про себя Ваня. Он хорошо знал, как жжёт железо на морозе.

— Нынче ночью каждый воевал,— сказал Бойченко.— Кого ни возьми из бригады, все отличились.

— У нас полный ваш список есть,— сообщил Ваня.

— Как же ты говорил: «Отдел кадров Петра Сергеича не отдаёт»? — спросил наконец Саша то, что давно вертелось на языке.

— Да я не знал, что он Черемных!.. Правда, Петя, я не знал? Тебя же дядя Яша не принимал в бригаду, помнишь, велел идти, куда пошлют?

— Меня на монтаж и послали, как раз к нему. Только я его фамилию в приказе не прочитал. И Яков Михалыч тогда не знал, что направленный к нему сварщик-новичок я и есть,— объяснил Пётр.

— Ну, теперь ты не новичок, получил нынче боевое крещение,— вешался опять Костя.— Теперь ты в нашей бригаде свой.

Ваня ждал, что Пётр улыбнется, обрадуется...

— А я бы, Черемных, на твоём месте обиделся,— неожиданно сказал Радов.

На секунду стало тихо, все удивлённо обернулись к нему.

— Что смотрите? Очень интересно получается... Выходит, если бы не пурга да не злосчастная рукавица, Петро не был бы своим? И вообще, если бы не эта ночь, вам не о чем было бы рассказать? Так, что ли?

— Ну, почему? — неуверенно возразил Костя.— Просто мы говорили о самом выдающемся...

— Подожди, подожди,— Бойченко обвёл всех пристальным взглядом и усмехнулся.

— А ведь верно, затвердили мы одно: нынче да нынче. А что нынче? Аврал. Ну, правда, повоевали ночью. Но монтаж-то в основном до этого провели? До этого...

— Вот именно! — подхватил Радов.— До этой ночи было шесть суток. Зачем про них забывать? И зачем обижать Петра? Не сегодня он получил боевое крещение, а тогда, когда справился с трудным заданием. Если я не ошибаюсь, это было уже на второй день? Хороший работник, потому и аврал выдержал...

— Верно,— подтвердил бригадир,— согласен с Радовым.

— Ну вот... А то, я смотрю, у наших летописцев глаза разгорелись. Будут теперь мечтать о разных стихийных бедствиях, чтобы вы могли своё геройство проявить.

Все засмеялись.

Скоро по расчищенной дороге пошли машины. Радов посадил мальчиков на попутный грузовик. Уже стемнело, небо было мрачное. Красноватое зарево надстройкой освещало нижний слой туч, надвигавшийся из-за Волги ровным седым валом.

Машина мигом домчалась до городка. Друзья потом ещё долго сидели за круглым столом в залеце у Вани. Тут была

и Оля. Она вместе с Анной Антиповной все глаза проглядела, дожидаясь возвращения лыжников.

Оля положила перед Ваней на стол свою красивую папку:

— Пишите уж вы, ведь я ничего не узнала.

Саша пытливо посмотрел на товарища. Конечно, он не забыл слов об «ответственной, которая проморгала дядю Яшу». Оля проморгала? А Ваня? Вспомнив, как он пританцовывал у копра, стараясь разглядеть спускавшегося сварщика, Саша фыркнул.

Ваня покосился в его сторону и поспешно сказал Оле:

— Вот ещё! На, переписывай. Эту заметку нам Радов дал. Да мы и сами кое-что добавим.

Оля немного помедлила, тряхнула головой, уселась поудобнее и взяла ручку. Лицо у неё стало серьёзное, она даже

губу закусил, будто приготовилась к контрольной...

Всего одну страничку заполнили ребята в летописи, коротко рассказав про монтажников. А сколько интересного осталось за полями тетрадки, между строчек! Если бы Ваня мог рассказать обо всём, что он узнал, увидел, понял за эту неделю!.. Но ведь не он был героем летописи, не о нём шла речь.

— Устали вы сегодня, а завтра надо рано вставать,— напомнила Анна Антиповна.

Когда она заперла за гостями дверь и вернулась из сеней в кухню, то нечаянно увидела: Ваня, осторожно ступая, прошёл через зальце аквариум.

Скрипнула половица в люсиной комнате... Вот он опять появился на пороге, подозрительно взглянул на мать. На этот раз она сделала вид, будто ничего не заметила.

Маленькие колхозники

В колхозной конюшне
Стоят жеребята.
На скотном дворе
Подрастают телята.

Прснувшись с зарёй,
Мы сюда прибегаем,
Мы взрослым растить
Молодняк помогаем.

Хоть лет нам немного,
Мы любим трудиться.
И труд наш колхозу
Всегда пригодится.

Вот мы подрастём,
Кончим школу родную,
И примет колхоз нас
В семью трудовую.

Лесной ключ

Там, где тенистый ельник колоч,
Мох расстилается плотный,
Там из земли
Пробивается ключ,
Чистый,
Прозрачный,
Холодный.

К струйке журчащей
Узкой тропой
Сходятся звери
На водопой.

Серна, копытке поставив вперёд,
Робко посмотрит кругом
И попьёт.

Вот землеройка
Пришла освежиться.
Белка, позавтравав,
Скачет напиться.

Если пошёл ты
Грибы собирать
Или орехов
В шапку набрать,

Если захочешь
В дороге напиться,
Стоит тебе
К ключу наклониться.

Русло песчаное
Вьётся тропой.
Ключ, убегая,
Зовёт за собой.

Много земли он
Исколесил,
И по дороге
Набрался он сил.

Вот уже ключ
В ручеёк перерос.
Вот уже речкой широкой струится.

Электростанцию строит колхоз,
В каждом окне
Скоро свет загорится.

Перевёл с латышского
Юрий Яковлев.

Экипаж шестого «А»

Н. Александрова

ВСТРЕЧА С ЛЁТЧИКОМ

Пионеры шестого класса «А» 518-й московской школы пригласили на свой сбор старшего лейтенанта Владимира Николаевича Фоканова. Он был слушателем Военно-Воздушной академии, и мальчики знали, что он будет рассказывать о лётчиках. Вместе с классной руководительницей Марией Степановной они долго готовились к этому сбору. Мальчики заранее представляли себе, какой это будет чудесный вечер, когда все они соберутся в пионерской комнате и их гость, приехавший, может быть, прямо с аэродрома, начнёт рассказывать. Ведь ни один человек на свете, наверно, не может рассказать столько увлекательного, сколько наш советский лётчик!

И в тот вечер, когда должен был состояться сбор, мальчики без конца бегали на крыльцо, всё смотрели, не идёт ли старший лейтенант.

Он наконец пришёл. Пришёл, как обещал, минута в минуту, в восемь часов. Вошёл в школу, снял шинель с голубыми петлицами, увидел ребят и весело спросил:

— Ну что, весь «экипаж» в сборе?

И от одних этих слов мальчики тотчас зажглись радостью: только лётчик может сказать так славно — «экипаж»... И «экипаж» побежал скорей строиться.

До этой минуты у мальчиков даже не возникала мысль, что в предстоящей встрече для них таятся какие-либо опасности. Они думали, что лейтенант будет рассказывать, а они будут слушать, — вот какая это будет встреча. Про них он ничего и не спросит. Но едва ребята начали строиться, как заметили: старший лейтенант взглянул на часы; они поняли: он хочет узнать, за сколько же секунд ребята построятся.

Ребята заторопились, конечно. Но шестой «А» никогда не славился в школе дисциплиной. Не мог же он в одну минуту переродиться! Пока все уgomонились и встали на свои места, прошло довольно много времени, и председатель совета отряда Володя Могилицев раз шесть повторил:

— Ну, ребята, да стройтесь же!

А лётчик стоял в стороне, спокойно и внимательно наблюдал за всем, что происходило. Мальчикам очень хотелось

показать себя перед ним точными, сбалансированными, дисциплинированными. Но, как назло, ничего не получалось: когда Володя подал команду: «Отряд, смирно!», — кому-то ни с того, ни с сего вздумалось шагнуть вперёд, — видно, хотел подровнять строй (это при команде-то «смирно!»); у кого-то выпала зажатая в руке пуговица, а кто-то не утерпел и поднял руку, чтобы почесать нос.

В другое время ребята, может быть, не обратили бы внимания на такие мелкие неполадки; бывал у них строй и похуже. Но сейчас здесь был гость, лётчик. Правда, он стоял в стороне и молчал. Но они знали: он видел всё, видел, и как они ссорились и менялись местами, и как шумел левый фланг, и как покатились по полу пуговица...

Мальчики погрустнели и после линейки расселись необычно тихо и чинно.

Но лётчик ничего не сказал про линейку. Лишь когда речь зашла о реактивном самолёте, он начертил перед мальчиками на доске схему, рассказал, как быстро летает самолёт, и добавил:

— Вот, понимаете, ребята, что такое одна секунда! Почти полкилометра можно пролететь в одну секунду. Представляете себе, насколько отстал бы от своих товарищей за пять минут недисциплинированный экипаж!..

И все ребята поняли, что пять минут — это и было как раз то время, что они потратили на построение.

С этого и началось. Старший лейтенант рассказывал о лётчиках, а выходило так, что разговор шёл и о шестом «А»... Он рассказывал об одном слушателе академии, который для того, чтобы читать техническую литературу, выучил немецкий, французский и английский языки... И ребята вспомнили про свои уроки, — что-то они и с одним немецким не могут пока сладить... Старший лейтенант рассказывал об огромном напряжении, которое требуется от лётчика в высотных полётах, о выносливости в беспосадочных полётах на дальние расстояния; рассказывал о том, как опытные пилоты отправляются в полёт с молодыми, как говорят, «вывозят» их, как в бою товарищи прикрывают друг друга... Он рассказывал про дружбу и смелость, про настойчивость и суровую дисциплину, про огромные знания славных героев, сталинских соколов... А ребята из шестого «А» думали о своих «земных» буднях.

Нельзя сказать, чтоб шестой «А» был уж совсем плохим классом. Нет! И классный руководитель и пионервожатый считали, что озорные пятиклассники стали в шестом классе вести себя гораздо лучше, стали серьезнее. Да и сами ребята были о себе вовсе не дурного мнения. Но в этот вечер, слушая рассказы о лётчиках, они подходили с другой, более высокой меркой к своей школьной жизни, к своим поступкам. Они по-иному взглянули на себя и своих товарищей... И невольно вспомнился им недавний случай с одним мальчиком.

ВЫЕЗДНОЙ СОВЕТ ОТРЯДА

Как-то этот мальчик плохо вёл себя на уроке. Его вызвали на совет отряда. Но он убежал домой смотреть по телевизору новую пьесу. Когда совет отряда собрался, его не оказалось. Члены совета отряда немного растерялись: как теперь быть? Но Женя Вьюшин, вожатый отряда, сказал:

— Знаете что, ребята, пойдёмте-ка мы к нему домой. Пусть на этот раз у нас будет выездной совет отряда. Кстати, там будут и родители Толи.

Ребятам понравилось это хорошее предложение. Они собрались и пошли. Дома у Толи все удивились, увидев ребят, и подумали, что они пришли смотреть телевизор. Но Женя сказал, что телевизор они смотреть не хотят; это пришёл совет отряда шестого класса «А», и пришёл по делу. И Женя рассказал всё, как было.

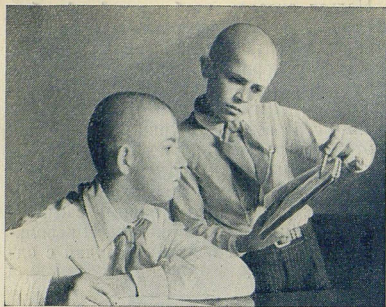
Толин отец сразу выключил телевизор и сказал, что никто никакой пьесы сегодня смотреть не будет.

— Пожалуйста, садитесь все за стол, — предложил он Жене и ребятам, — проводите совет отряда. И если вы не возражаете, то мы, родители, тоже здесь побудем...

— Конечно, — ответил Женя, — даже очень важно, чтобы вы были. Мы как раз так и хотели.

Все сели за стол, и Володя Могилевцев, как обычно, открыл заседание совета отряда.

Сначала выступил вожатый звена. Он рассказал, как Толя плохо вёл себя на уроке и мешал другим ребятам. Потом выступил член совета отряда и сказал о том, как нехорошо, не по-пионерски поступил Толя сегодня, удрав с совета

Саша Калинин помогает Славе Гаврилину в занятиях. И Слава уверен, что перейдёт в седьмой класс.

отряда. Потом ещё один мальчик выступил, потом ещё один... А потом родители стали рассказывать про своего сына. Оказывается, у Толи накопилось немало плохих поступков и дома. Он ничего не хочет убирать за собой, ленится помогать старшим, грубит. Одним словом, Толю как будто со всех сторон осветили прожектором, и все его дурные поступки и дела стали ясно видны.

А Толя всё время молчал. Ему нечего было сказать: все говорили правду. И ему, видно, было очень стыдно. Тогда Женя сказал:

— Знаешь, Толя, ты лучше сейчас не мудри и не думай о том, как оправдаться. Мы видим, что тебе стыдно. Ты дай нам честное пионерское слово, что с тобой больше никогда такое не повторится.

Толя встал, и все вдруг увидели: он чуть не плачет.

— Женя,— сказал он,— ну как же я могу дать такое слово? Ведь я же сам хочу быть хорошим человеком! Я уж сколько раз это решал. Да и на уроке не хотел шуметь... Но я за себя не отвечаю. Вот, понимаешь, Женя, не хочу плохо делать, а так выходит... Ну как же я могу дать честное слово, если всё равно потом его не сдержу? Это же нечестно, и мне потом будет ещё стыднее.

Ребятам стало жалко Толю. Это же действительно огромная беда, если человек сам за себя не отвечает.

А было всё это до встречи со старшим лейтенантом, тогда ещё не шёл разговор о том, какая должна быть, например, у лётчика уверенность в себе и в своих си-

лах. В воздухе человек жизнью отвечает за себя, за каждую секунду своего внимания, за знание самолёта, за любое своё движение. Как же, значит, лётчик твёрдо уверен в себе, если берёт на борт пассажиров, которые веряют ему свою жизнь. Такого разговора в классе ещё не было, но Женя сказал:

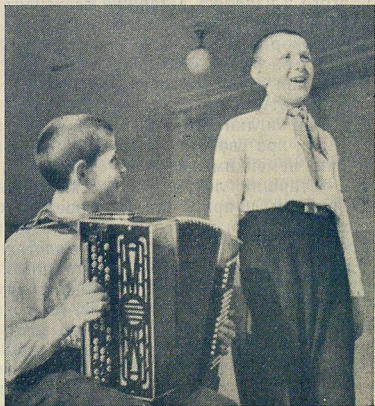
— Слабый человек ты, Толя, вот что... Я раньше этого не думал о тебе. Но раз так, давай вырабатывать сильную волю... Она ведь не от рождения заложена в человеке.

Решили начать с самого простого, с режима дня.

Женя попросил родителей Толи ему всякий раз напоминать, если он забудет про своё расписание. А на классном собрании решили ни на шутки, ни на другие разговоры Толи во время урока не отвечать. Пусть его слабая воля встретит оппор других, пока он ещё не умеет справляться с самим собой.

ТРЕТЬЕ ЗВЕНО

Про многих ребят подумали мальчики в тот вечер... Вспомнили про Лёню И. Тоже ведь не большой силы воли человек. Принёс в класс вертушку, а когда учительница спросила: «Кто принёс?», — не сознался. И даже когда другой ученик взял на себя его вину, промолчал, смало-

Ребята готовятся к отрядному сбору: Володя Могилицев поёт, а Толя Логинов аккомпанирует ему.

душничал, спрятался за спину товарища... Вспомнили Славу Гаврилина, которому Саша Калинин помог избавиться от двоек. Сейчас в табеле Славы всё чаще появляются даже не тройки, а четвёрки. Вот что значит во время протянуть товарищу руку, помочь ему. Вспомнили, как играли в хоккей, как ходили на бетонный завод, как с Марией Степановной ставили песку на немецком языке, делали фотомонтаж... Вспомнили и как на линейке смотрели на себя, словно со стороны, глазами лёгчика. Вспоминая, думали: «Вот про это лёгчик сказал бы: «Хорошо», — а про это сказал бы: «Плохо, ребята!» Неизвестно только, подумали ли ребята про третье звено.

Они вообще мало про него думали. А в этом звене всё было хуже, чем в первом или во втором. В хоккей мальчики из этого звена не играли, в баскетбол тоже. И с дисциплиной у них было нехорошо, а учёба... Да у одного Иванова из этого звена было четыре двойки за четверть! А о последнем сборе звена Валерий Сепп, член этого звена, написал в дневнике, что сбор прошёл скучно...

Да, это было плохое звено, но Боря Павлов, которого ребята выбрали своим вожатым, мужественно, сквозь все невзгоды, тянул этот неисправный «самолёт» к цели.

Трудное звено досталось Боре Павлову. Случилось так, что несколько мальчиков из его звена уехали: их родители перевели на работу в другие города. И в его звено попали другие ребята: два второгородника, оставшиеся от прошлогоднего шестого класса, мальчик, переведённый из другой школы, мальчик, недавно приехавший из другого города... В этом же звене был известный на всю школу Иванов, которого звали «голубятником», — он целые дни гонял голубей; был Толя Тепляков, который часто ленится готовить уроки как следует. Никто, конечно, не виноват в том, что так подобралось звено, но работать с ним было трудно. Ребята между собой не дружили, каждый жил сам по себе.

Боря был человек тихий и скромный, а ребята в его звене подобрались шумные,

Мальчики любят играть в шахматы. Недавно у них состоялся очередной турнир. Игра шла сразу на шести досках.

озорные. Они и не думали слушаться его. И на первых порах у Бори было много неудач.

Как-то стоворились ребята пойти на каток. Но никто, кроме Бори, на каток не пришёл. В другой раз Боря приготовил беседу к сбору. Прочёл для этого несколько книг, подобрал интересные факты, но мальчики его почти не слушали. Они болтали, перебрасывались бумажками, шумели и вообще занимались посторонними делами. А сколько он говорил с Ивановым, но все напрасно.

Боря не падал духом. Он никому не жаловался, а придумывал для своего звена всё новые сборы, разыскивал интересные книги, чтобы почитать в звене, сердился, когда кто-нибудь из ребят не выполнял пионерских поручений. Боря горячо хотел сделать своё звено хорошим.

Кое-что ему всё-таки удалось сделать. Как-то они собрались и сходили в музей. В другой раз отправились в экскурсию на кондитерскую фабрику. Все они прочли книгу «Витя Малеев в школе и дома» и подготовились к отрядной читательской конференции. Бросил, наконец, Иванов своих голубей. По поручению звена перед

уроками один пионер стал проверять тетрадки мальчиков по математике — все ли сделали задачки, заданные на дом. Да, многое изменилось в звене, но не мог Боря без помощи товарищей справиться со всеми недостатками. Их и сейчас осталось ещё немало.

Старший лейтенант рассказывал ребятам, что в бою все самолёты эскадрильи готовы поддержать друг друга. Такова боевая дружба лётчиков. Но в шестом «А» никто из других звеньев не поспешил на помощь Боре, ни разу ни один член совета отряда не пришёл к нему на сбор. А разве ребята не знали, как трудно бывает Боре на сборе? Никто не помог создать в третьем звене баскетбольную или хоккейную команду, а ведь и во втором и в первом звеньях было достаточно сильных баскетболистов и хоккеистов. Почему лучший лыжник школы, ученик этого же класса Валерий Воронков, не помог третьему звену встать на лыжи? Разве не нашлось бы в классе сильных учеников, которые помогли бы Иванову в учёбе, благо он и сам взялся за ум?

Отчего никто из пионеров класса не сказал нужные слова:

— Я тебе помогу.

Ведь они знали, что это было самое трудное звено. Ведь они видели, как борется их товарищ.

НЕВЕРНЫЙ КУРС

Примерно в то время, когда Боря Павлов дождался у школы ребят из своего звена, которые так и не пришли, Валерий Воронков завоевал звание чемпиона по лыжам на районных соревнованиях.

Победа Валерия была большой радостью для всего шестого «А»: у отряда ещё никогда не было ни одного своего чемпиона.

Пионеры выбрали Валерия в совет дружины. Было ясно, что никто лучше его не справится со спортивной работой в дружине.

У Валерия был упорный характер. Он мог много раз повторить упражнение на тренировке, если оно ему не удавалось.

Начал работать Валерий хорошо. Но вскоре ему надоело. Он не хотел устраивать соревнования, думать о том, что надо делать физоргам в отрядах, ему это было не по нраву. И он подал заявление на совет дружины.

Совету дружины ещё никогда не приходилось разбирать такого заявления. Пионеры всегда гордятся доверием своих товарищей, которые как самых лучших выбирают их в совет дружины.

Валерий хмуро выслушал и упреки своих товарищей и решение совета дружины — «отказать». И он решил добиваться своего с тем же упорством, каким сложился в спортивной борьбе. Как кем он только ни говорил: и с вожатым отряда, и со старшим вожатым, и с классной руководительницей! Он побывал даже у директора школы! Но все отвечали ему, что решить этот вопрос за пионерскую дружину никто не может и Валерий в этой истории выглядит мелким эгоистом и плохим товарищем.

Сколько ребят он, чемпион школы, мог увести за собой на лыжах по снежному пути! Сколько таких звеньев, как третье, в его родном отряде нуждалось в нём! Но он, тренируя свою сильную волю, добиваясь спортивных успехов, думал, видно, не о ребятах. Одно волновало его: мгновение, когда на финише зрители аплодисментами награждают его, победителя. Вот, значит, о чём он мечтал, завоевывая славу лучшего лыжника. Невысокая это была мечта!

Занятый мыслями о себе, Валерий даже не заметил, как изменилось отношение ребят к нему, как оскудела их любовь. Рассказы Валерия об участии в новых соревнованиях в школе встречали сдержанно: «Обогнал? Ну что ж, хорошо...» И однажды, когда после соревнований он стал рассказывать о них, ребята вдруг ясно почувствовали: им совсем неинтересно знать об его успехах. Один за другим они отошли от него, и Валерий остался один. И вот тут-то Валерий в первый раз понял, что ребята сами дали ему отставку.

Вот как неожиданно изменились дела: тихий мальчуган Боря Павлов, которого никто и слушать вначале не хотел, стал хорошим вожакom ребят, а Валерий Воронков, блистательный чемпион, потерял все преданные ему сердца... Каждый из этих мальчиков получил по заслугам.

И лётчик, наверное, про одного сказал бы: «Хорошо!», — а про другого: «Плохо, дру! Ты взял неверный курс...»

Это ведь самое главное — взять в жизни верный курс!

ЛЕНИНГРАД. ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ.

К. Купецко.

ЛЕНИНГРАД. ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА.

К. Купецио.

РУЧКА ДЕДА НЕКУЛАЯ ГЭИНЭ

Александр Отт

Рисунки Б. Винокурова

Глава первая, в которой рассказывается о «бесёнке» и о похождениях Ионикэ Думбравэ

— Что ты понимаешь, бесёнок? — говорил обычно дед Некулай Гэинэ своему внуку Тэкицэ.

Дед вытаскивал из-за пояса кيسет с табаком, набивал трубку, не торопясь закуривал её и только тогда поднимал глаза на внука.

Так было и сегодня. Тэкицэ рассказывал, как его отец убеждал своих односельчан организовать в Думбрэвени коллективное хозяйство.

— Что ты понимаешь, бесёнок? — сказал дед Некулай, попыхивая трубкой.

— Я многое понимаю! Я в шестом классе, — нахмурился Тэкицэ.

— Смотри, пожалуйста, до чего дожили! Яйцо умнее курицы! Если ты так много понимаешь, расскажи-ка мне, что случилось с Ионикэ Думбравэ?

Тэкицэ широко раскрыл глаза. Ну и дедушка! Чего только он не знает! Про каждого он помнит какую-нибудь историю.

— Не знаю, дедушка!

— Так бы и говорил! — И дед Некулай удовлетворённо запыхтел трубкой. Потом, усмехнувшись в свои пожелтевшие усы, добавил: — Да откуда тебе и знать! Это случилось давно. Эге, тридцать пять лет прошло с тех пор... В том году родился Тудосе.

— Мой отец?

— Пожалуй, что твой, потому что другого сына Тудосе у меня, помнится, не было, — сказал дед Некулай. И начал рассказ о том, как он когда-то поймал Ионикэ Думбравэ у себя в саду на раскидистой вишне. «Влезу-ка и я на дерево!» — сказал дед Некулай. Ионикэ словно прилип к ветке. Ни туда, ни сюда. «Слезай, Ионикэ, вниз!» «Не бейте меня, нене!»¹ И слёзы величиной с горошину покатились из глаз Ионикэ.

— И ты его побил? — быстро спросил Тэкицэ.

— А зачем бить? Парнишка хотел вишен, почему же не дать их ему? Привёл я его в дом, поставил перед ним корзину с вишнями, положил около себя ореховую

¹ Нене — почтительное обращение младшего к старшему.

палку и говорю ласково: «Ешь, Ионикэ, ешь!» Ионикэ заплачет и съест две — три вишни, съест две — три вишни и заплачет. Потом и совсем перестал есть. Я говорю: «Ешь, Ионикэ, ешь! Что скажет твой отец, когда узнает, что ты горсточку вишен не можешь съесть?»

— И сколько он съел?

— Погоди... Ничего он не съел, а зашмыгал носом и говорит: «Побейте меня, нене, но не говорите отцу, я больше никогда не буду!» Ну, я его и отпустил...

Хотя Тэкицэ смеялся над злоключениями Ионикэ, но тут же вспомнил, что не так давно и сам чуть было не попался на груше в саду... Он даже не был вполне уверен, что дед рассказал эту историю без умысла. За делом такое водилось. И Тэкицэ про себя твёрдо решил, что он никогда больше не притронется к грушам в саду, какие бы они там ни были... И, успокоенный, снова весело захохотал.

Глава вторая, где мы увидим, что иногда телега может привести за собой человека

Ни для кого не осталось тайной, что в тот день, когда Тудосе Гэйнэ убеждал крестьян создать у них в Думбрэвени коллективное хозяйство, дед Некулай крепко рассердился на своего сына. Напрасно Тудосе доказывал отцу все выгоды коллективного труда, — дед Некулай Гэйнэ только качал головой, не переставая пыхтел трубкой, пускал дым из ноздрей, как из двух труб, и глухо ворчал:

— Не уговаривай, не пойду.

Но и Тудосе не уступил. Когда он увидел, что отец стоит на своём, он сказал:

— Что ж, отец, если так, то я вступлю один. Увидим, кто кого!

И он, Тудосе, сын деда Гэйнэ, вступил в коллектив.

С тех пор дед Некулай больше не появлялся в доме Тудосе. Всё лето старик приглядывал к работе на полях коллектива и домой возвращался, что-то сердито бормоча. А на Тэкицэ он даже и не глядел.

Пришла осень с короткими дождливыми днями и с обильным урожаем. На долю Тудосе в коллективе пришлось столько хлеба, что на одной телеге его и не увезти. И вот, как ни в чём не бывало, он пришёл к делу Некулаю.

— Мою долю не перевезёшь на одной

телеге, — сказал Тудосе. — Не дашь ли ты мне свою телегу?

Дед Некулай коротко сказал:

— Возьми!

Потом он долго стоял у ворот и смотрел на две проезжающие телеги, доверху нагруженные мешками. На одной из них сидел «бесёнок» Тэкицэ. Дед Некулай ничего не сказал, только весь день бродил по двору, дымя трубкой, как будто хотел проконтиться насквозь, не иначе!

Сумерки уже спускались на село. Заскрипели ворота. Собаки залаяли и сразу замолкли.

— Кто там? — крикнул дед Некулай из глубины двора.

— Это я, отец, Тудосе! Привёз твою телегу.

Дед Некулай подошёл. С Тудосе был и Тэкицэ. Оба поздоровались. Дед Некулай что-то буркнул в ответ, и все трое замолчали. Потом Тудосе мягко сказал:

— У нас большой урожай... Пшеница, кукуруза, картофель, капуста...

А Тэкицэ гордо добавил:

— Отец купит мне башмаки с подковками.

Дед Некулай молчал.

— Эх, отец, — заговорил Тудосе, — вступай в коллективное хозяйство! Это сила!

Тэкицэ поддержал разговор:

— Да, дедушка!

Дед Некулай вынул изо рта трубку, выколотив её о дышло телеги и надулся, как индюк.

— Тебе-то что, бесёнок? Вступлю, когда сам захочу, а не тогда, когда ты хочешь, понял?

Потом вдруг громко засмеялся, привлёк к себе Тэкицэ и сказал:

— Так вот! Хочу вступить завтра! И всё!

— Отец!

Тудосе обнял старика. Дед Некулай пожевал зубами трубку, вздохнул и, положив руку на плечо Тудосе, тихо заговорил:

— Кто кого! Ты правильно сказал, малыш! Разные думы одолевали меня всё лето... Смотрел я на ваши поля и говорил: хороши! Но я думал: как же я уступлю? Ну, а теперь, когда увидел ещё эти телеги... Теперь и я скажу: великая сила!

Тэкицэ подпрыгнул:

— Да, дедушка!

— Да, бесёнок! — И дед Некулай щёлчком сбил шапочку с головы Тэкицэ. Все трое захохотали.

Дед Некулай стоял у ворот и смотрел на две проезжающие телеги, доверху нагруженные мешками.

Глава третья, в которой рассказывается о ручке и о мечте Тэкицэ

Вокруг Ионикэ Думбравэ и деда Некулая собралось много народу. Дед Некулай громко говорил:

— Значит, товарищ председатель, я хочу записаться к вам. Решил, и всё! Может мне кто-нибудь препятствовать?

— Не может никто, дядя Гэйиэ.

— Хорошо! Так что же мне надо сделать, товарищ председатель?

— Прежде всего, дядя Гэйиэ, не говорите мне «товарищ председатель». Я, конечно, председатель, так-то это так, но лучше, если вы будете называть меня просто Ионикэ, как и прежде.

Дед Некулай Гэйиэ засмеялся, вспоминая историю с вишнями.

— Пусть будет так. А что же надо сделать, Ионикэ?

— Возьмите, дядя Некулай, ручку и на этой бумаге, здесь внизу, распишитесь, что, стало быть, отныне вы имеете долю в нашем хозяйстве, пользуетесь всеми правами и выполняете все обязанности члена коллективного хозяйства.

Дед Некулай посмотрел искоса на ручку, потом на бумагу, снова на ручку и медленно сказал:

— Нет, дорогой Ионикэ, эта ручка не годится.

— Что такое? — Ионикэ Думбравэ взял ручку и осмотрел её со всех сторон.

— Видишь ли, меня-то приучили к другой ручке. Эта может сломаться, и перо может испортиться, да и забыть её можно где-нибудь. А моя ручка всегда со мною.

Сказав это, дед Некулай Гэйиэ намазал

чернилами большой палец правой руки и с силой нажал им на бумагу. Тэкицэ стал пунцовым, хотя никто на него не смотрел. Он никогда не задумывался над тем, что его дед неграмотен. А вот теперь перед всей деревней дед Некулай Гэйиэ, его дед, прикладывал палец вместо подписи!.. Но тут же у Тэкицэ блеснула одна мысль.

На другой день прямо из школы Тэкицэ пошёл к деду Некулаю. Дед обтёсывал топором рукоятку для лопаты. Тэкицэ откашлялся и громко, как в школе, сказал:

— Дедушка, знаешь что?

Дед Некулай Гэйиэ перестал тесать и посмотрел на внука из-под густых бровей.

— Пожалуй, я многое знаю, бесёнок! Я в шестьдесят восьмом классе! С тех пор, как родился, никогда не был второгдником.

Тэкицэ не ожидал такого ответа и больше не мог сдержаться. Его слова запрыгали быстро, как спугнутые зайцы.

— Дедушка, я хочу, чтобы ты научился грамоте! Давай, дедушка, я тебе выучу! Ты будешь писать, считать, сможешь прочитать любую книгу! Кто не знает грамоты, тот живёт как с повязкой на глазах. Так нам говорил в школе учитель. Дедушка, я тебе дам мою книжку, в ней такие интересные рассказы. Ты сможешь

— Смотри, здесь я всему веду счёт...

писать ручкой. Дать тебе мою ручку? Хочешь?

Тэкиэ говорил без передышки. Дед Некулай выпрямился, посмотрел на Тэкиэ так, будто видел его в первый раз, и коротко ответил:

— Нет!

После этого он взял топор и снова стал отбесывать рукоятку лопаты.

Тэкиэ стоял растерянный. Дед Некулай приостановился, взглянул на него и промолвил:

— Иди-ка домой...

И, пуская из трубки густые клубы дыма, повернулся к внуку спиной, как будто Тэкиэ с его сдвинутой на затылок шапочкой и с сумкой на плечах больше не было здесь, во дворе. Как будто вообще Тэкиэ не существовало на свете.

Тэкиэ помолчал и ушёл. Но в душе он затаил мечту: увидеть, как дед Некулай читает его книжку.

Глава четвёртая, где говорится о записной книжке, которой не было у деда Некулай Гэйнэ, но которая была у деда Павла Алупи

Прошло несколько месяцев. Настала весна. Хозяйство в Думбрэвени выросло. Особенно гордился коллектив свинарником и птицефермой. В свинарнике распорядился дед Павел Алупи. Дело это он знал ещё с тех пор, когда батрачил у кулака Василе Богря.

Когда зашла речь об организации птицефермы, кто-то предложил:

— Поставим туда деда Гэйнэ, он хороший хозяин!

При этих словах Ионикэ Думбрэву улыбнулся и сказал:

— Правильно, лучше него никто не справится!..

Так и решили.

Вечерами, окончив работу, дед Некулай беседовал с дедом Павлом. Павел радостно говорил:

— Настасия весит триста двадцать килограммов. Не я буду, если не доведу её вес до четырёхсот.— И дед Павел вытащил из кармана в своём широком поясе переплетённую тетрадку и похлопал по ней ладонью.— Смотри, здесь я всему веду счёт...

Дед Некулай расхохотался:

— Дорогой Павел, как много ты написал для своих свиней! А вот у меня всё здесь...— И дед Некулай постучал по лбу согнутым указательным пальцем.— Я не стану заводить книгу, чтобы записывать в неё кур.

Но как-то утром случилось неожиданное происшествие. Утро было как утро, ничто не предвещало, что оно будет особенным. Грело солнце, и по голубому небу весело бежали беловатые облачка, похожие на клочки ваты. В Думбрэвени приехал гость. Он спросил, где Ионикэ Думбрэву, и вошёл в канцелярию. Там он пробыл не слишком долго, вскоре вышел и вместе с председателем пошёл осматривать хозяйство. Он то и дело останавливался и беседовал со всеми.

Скоро всех обошла весть: товарищ Стамате, секретарь районного комитета партии, приехал, чтобы поговорить о нуждах коллектива.

Дед Некулай показал гостю птицеферму. Там стояло такое клохтанье и кудахтанье, что можно было оглохнуть!

Секретарю понравился порядок в курятниках, и он стал расспрашивать деда Некулая:

— А сколько у вас кур? Сколько яиц

несут они в день? Сколько цыплят вылупилось этой весной?

Дед Некулай усмехнулся в усы, снисходительно посмотрел на гостя и сказал:

— Э, товарищ секретарь, сколько вопросов и всё о нескольких курах!

Люди засмеялись. Засмеялся и товарищ Стамате. Но вопросы свои он повторил. Дед Некулай ответил, чуть пожав плечами:

— Да как сказать, товарищ секретарь... Я ведь не счетовод! Три дня назад у меня было сто двенадцать кур. Вот тут мой список,— и дед Некулай постучал по лбу.

— Нет, сто шестнадцать,— сказал кто-то, и все повернули головы к говорившему.

— Сто шестнадцать кур должно быть. В списке деда Некулая нет четырёх наседок, которых доставили сегодня утром. Я знаю это потому, что я помощник бухгалтера.

Дед Некулай Гэйнэ покраснел и проворчал:

— Да, я совсем забыл о них... Я причитаю их сегодня вечером. В конце концов не могу же я бегать за курами со всякой писаниной!

Секретарь ответил тихо, но твёрдо:

— Это не так, дед Некулай. У хорошего хозяина не бывает рваного кармана. Вы правильно выхаживаете птицу, но вы не ведёте ей счёт, как это делает товарищ Алупи. Всего в памяти не удержишь. Не было ещё человека, который имел бы такую прочную память. Что скажете, дед Некулай?

Дед Некулай молчал. А секретарь продолжал:

— Я знаю, почему вы неграмотны. Это было выгодно для бояр, им нужны были люди с повязкой на глазах. Теперь другие времена.— Стамате повернулся к Ионикэ Думбравэ и добавил: — Мы ещё поговорим об этом. Пока же деду Некулаю надо дать помощника, который умеет писать.

Глава пятая, в которой дед Некулай борется с самим собой и наконец побеждает

На село тихо спускался вечерний туман. Пахло сыростью, как всегда в начале весны. Из-за холмов дул тёплый ветер.

Тихо мычали коровы, подзывая к себе

Дед Некулай взял ручку, обмакнул перо в чернила и почерком школьника, недавно постигшего тайну письма, важно вывел своё имя.

телят, лаяли собаки, скрипели телеги. Дед Некулай тихо сказал Павлу:

— Так, Павел! Значит, поправилась секретарю твоя тетрадка...

— Поправилась.

— Гм-м! А у Настасьи прибавляется жир оттого, что у тебя есть тетрадка? Если я заведу тетрадку, моя Белоножка снесёт больше яиц? — И дед Некулай рассмеялся.

— Не смейся, Некулай! Ты забыл, что сказал товарищ секретарь? У хорошего хозяина не бывает рваного кармана. Ты считал сегодня и ошибся. А когда выведутся ещё цыплята, как ты их всех упомнишь? Из памяти уйдёт, а из тетради нет.

Дед Некулай с силой выколотил трубку о столб навеса, сердито крикнул:

— Вот и ты, Павел, твердишь то же. Хватит с меня и того, что было утром.

Дед Некулай поднялся и отправился домой.

Но и дома он не нашёл покоя. Присев на завалинке, дед Некулай сердито бормотал: «Слыхали? Дать мне помощника! Зачем он мне? Что у меня, в курятнике грязно? Или куры плохо несутся? Великое дело, что у меня нет писанины, как у этого Павла!» — дед Некулай вздохнул, зажёг погасшую трубку и посмотрел на дом Тудосе, казавшийся в темноте огромной глыбой с вкрапленным в неё светлым пятнышком — окном.

А, может быть, Тэкицэ прав? Человек, не знающий грамоты, живёт, как с повязкой на глазах... Ведь так сказал бесёнок? И секретарь сказал то же... Словно сговорились!

Дед Некулай стал ходить по двору. Потом он вдруг рассердился на кого-то невидимого в ночной тьме: «Выходит, все правы, только я один ничего не понимаю! Прав был Тудосе насчёт коллектива? Прав! И Тэкицэ я сказал «нет», а поглядите... И секретарь и Павел одно и то же говорят... Эх, кабы не старость!..»

Дед подошёл к калитке и долго смотрел на дом Тудосе... Светлящиеся окошечко дружески подмигивало ему. Дед Некулай Гэйнэ чувствовал себя усталым, как после тяжёлой борьбы. Но вдруг необычайная мысль мелькнула у него в уме: «Э-э! Не знаете вы Некулая Гэйнэ! Хе-хе! Ты что о себе воображаешь, Павел?»

Он потихоньку вошёл в дом, улёгся и заснул сном младенца, как давно не спал.

Глава шестая, в которой говорится о собрании и о двух разных ручках

Весна шествовала по стране. Тракторы чертили на земле широкие и глубокие борозды для отборного зерна. Потом пришло лето, и на пашнях хозяйства Думбрэвены встали высокие хлеба с тяжёлым колосом.

Дед Некулай Гэйнэ попрежнему хозяйствовал на птицеферме. Но только он уже не болтал по вечерам с дедом Павлом. Напрасно заходил тот к нему... Дед Некулай только махнёт рукой: «Занят я... Поговорим в другой раз». Теперь по вечерам Тэкицэ и дед Некулай подолгу оставались одни в комнате. Но никто не знал, что там происходит... У них свои дела — и всё!

Лето прошло. Заржавела зелень. Из рваных туч повисли длинные нити дождя. В коллективе давно собрали богатый урожай пшеницы и кукурузы.

Бухгалтер и счетоводы работали до ночи. В первую очередь отдали долг государству, потом стали подсчитывать, сколько приходится на долю каждого члена коллектива. И пшеницы, и кукурузы, и капусты, и картофеля, и фуража каждый получал столько, сколько заработал. Кроме продуктов, все получали ещё и деньги...

Наконец наступил праздничный день — день расчёта. Тэкицэ в башмаках с подковками, в новом пальто зашёл вместе с отцом за дедом.

Когда они постучали в калитку, из дома гордо вышел дед Некулай, одетый в суконный костюм и шляпу с широкими полями.

— Пойдём, — сказал он.

— Что с тобой, отец? Ты порезался? — спросил Тудосе, увидев, что большие пальцы на обеих руках старика завязаны белыми полотняными тряпочками.

— Нет, не порезался!

— Почему же у тебя завязаны пальцы?

— А уж это моё дело!

Тудосе замолчал, недоумевая: «Что бы это значило? Никогда не знаешь, чего можно ждать от отца!»

Двор правления полон народу. У двора стоят телеги. Красные флаги развеваются на воротах. Большие весы стоят в углу, а рядом навалены груды мешков. Ионикэ Думбрэву улыбается. Да, людям есть чему порадоваться. Стоя у стола, на кото-

ром лежат расчётные книжки, Ионикэ Думбравэ начинает одного за другим вызывать членов коллектива. Сразу наступает тишина. Люди по очереди подходят к столу и ставят своё имя в списке, потом идут к весам. Их лица сияют, все вокруг улыбаются...

— Гэйз Некулай!

Голос Ионикэ словно стал мягче. Дед Некулай подошёл к столу председателя. За ним шёл и Тэкицэ. Сердце мальчика сильно билось. Ионикэ сказал:

— У вас много дней, дедушка Некулай!

— Много, Ионикэ! И, думаю, будет ещё больше. Надеюсь, что увижу, как вот этот бесёнок станет передовым коллективистом!

Послышался смех.

— Станет! За него не беспокойся, дедушка Некулай! А тебе скажу: много у тебя трудовых дней — триста девяносто шесть дней... — Ионикэ Думбравэ улыбался.

— Теперь, дедушка Некулай, поставьте здесь...

И он замолк на полуслове, увидев забинтованные пальцы. Секунду он смотрел с недоумением, потом, смеясь, сказал:

— Вот, дедушка Некулай, видишь: испортились ручки, которыми ты хвалился. Как теперь распишешься? В прошлом году ты смеялся над нашей ручкой... Говорил, что твоя всегда при тебе... Придётся, видно, расписаться за тебя Тэкицэ.

Все засмеялись. Но дед Некулай выпрямился и коротко сказал:

— Нет!

Стало тихо. Что же это? Теперь расмеялся дед Некулай... И не только он! Смеялся и Тэкицэ.

Дед Некулай сказал:

— За этот год, дорогой Ионикэ, многое изменилось... Подписываться пальцем? Это ручка раба, так сказали мне все. Мой внук Тэкицэ научил меня пользоваться другой ручкой, ручкой свободного человека.

И дед Некулай развязал пальцы. Все прыснули со смеху: пальцы были совершенно здоровы! Дед Некулай взял ручку, обмакнул перо в чернила и почерком школьника, недавно постигшего тайну письма, важно вывел своё имя. Потом он повернулся к Тэкицэ:

— Так! Теперь, бесёнок, когда мы вернёмся домой, можешь дать мне почитать свою книжку!

НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНКЕ

Рисунки Ю. Узбякова

Сокращённый перевод с румынского
Д. Шполянкой

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

Джанни Родари

Рисунки В. Сутеева

Сокращённый перевод с итальянского В. Булимова и Г. Малахова

(Окончание)

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Приключения хромого Паука

Что же случилось с Пауком-почтальоном? Я вам расскажу об этом в двух словах.

Хромой Паук шёл по дороге к замку и вдруг услышал, что его окликают. Оказалось, это его дальний родственник по линии отца — паук Семь с половиной. Он назывался так потому, что имел только семь с половиной лап. Пол-лапы было потеряно во время одного неприятного инцидента. Семь с половиной пошёл рядом с хромым Пауком. Он шёл и болтал, вспоминая о минувших счастливых временах, и всё время порывался остановиться, чтобы поговорить как следует. Но хромой Паук тянул его вперёд.

— Куда ты спешишь? — рассердился, наконец, Семь с половиной.

— В гости, — уклончиво ответил почтальон, — иду навестить моего двоюродного брата.

— Того, что живёт в замке? Он и меня приглашал. Пойду-ка я, пожалуй, с тобой. Сейчас у меня как раз нет никаких срочных дел.

Хромой Паук подумал, что путешествовать вдвоём лучше: и время идёт быстрее,

и можно помочь друг другу, если случится какое-нибудь затруднение.

— Ну, хорошо, — ответил он, — только давай прибавим шагу: у меня есть поручение.

— Из тюрьмы? — спросил Семь с половиной. — Ты всё работаешь там почтальоном?

— О, теперь я уволен с работы! — небрежно проговорил хромой Паук; Семь с половиной был его другом, но есть такие вещи, о которых нельзя рассказывать даже друзьям.

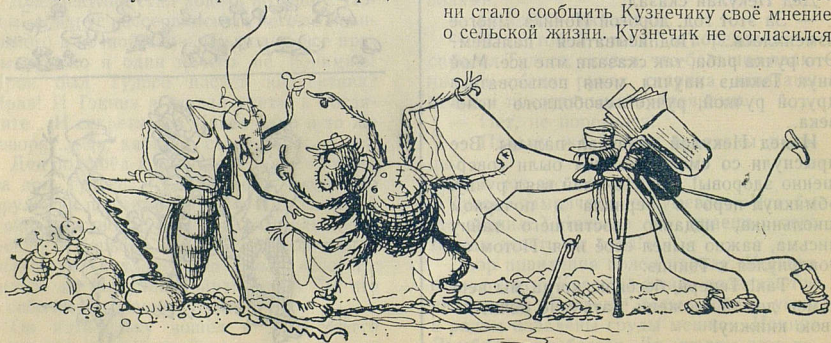
Они выбрались на окраину города. Тёплый ветер принёс запах трав и далёкого леса. Семь с половиной то и дело широко раскрывал рот, пытаясь вдохнуть как можно больше воздуха.

— Как прекрасно здесь! — восклицал он. — Нет, я не вернусь обратно, я останусь навсегда здесь.

— Но эта местность уже достаточно населена, — рассудительно заметил хромой Паук и указал товарищу на длинную вереницу муравьёв.

— Ах, синьорам не нравится общество народа?! — насмешливо проговорил Кузнечик, высовываясь из своей дыры.

Семь с половиной, разумеется, тотчас остановился: он должен был во что бы то ни стало сообщить Кузнечнику своё мнение о сельской жизни. Кузнечик не согласился

Кузнечик настаивал на своей точке зрения.

с ним: И Семь с половиной принял его убождать. Кузнечик настаивал на своей точке зрения. Семь с половиной защищал свою. Они не переставали спорить, а время шло. Вокруг них собралось множество народа: кузнечики, комары, мошки. Воробей, в обязанности которого входило следить за порядком, заметив толпу, подлетел поближе.

«Вот лакомый кусочек для моих деток», — подумал Воробей, увидев Семь с половиной.

Но одна из мошек подняла тревогу:

— Внимание, полиция!

И тотчас все исчезли, точно сквозь землю провалились. Хромой Паук и Семь с половиной скрылись в квартире Кузнечика, и тот быстро захлопнул за ними дверь.

Семь с половиной, дрожа, как лист, забился в самый дальний угол. А хромой Паук грустно размышлял о том, что напрасно он взял с собой такого разговорчивого товарища. Вот теперь из-за глупой болтовни они потеряли массу времени и обратили на себя внимание полиции.

«Воробей, несомненно, занёс моё имя в полицейский список, — думал старый почтальон. — А ведь известно, что тот, кто попадает в этот список, кончает плохо». И он решил, что дальше пойдёт один.

Но Семь с половиной и слушать об этом не захотел. Остаться без хромого Паука он боялся ещё больше, чем продолжать путь. Оба заторопились уходить. Однако Воробей всё ещё был неподалёку, и гостеприимный Кузнечик не отпустил их. Лишь на закате полиция удалилась в свои казармы на кипарисах, и друзья смогли наконец двинуться в путь.

Но они ушли недалеко в этот день. Увидев церквушку, Семь с половиной заявил, что он устал и хочет отдохнуть.

— Нет, нет, — протестовал хромой Паук, — мы должны торопиться! Я не собираюсь останавливаться.

— Ведь ты же сам позвал меня с собой, а теперь хочешь бросить посреди дороги, да ещё ночью?! Так-то ты обращаешься с друзьями! — жаловался старый болтун.

И хромой Паук вынужден был уступить. Семь с половиной уютно устроился за водосточной трубой и через секунду уже безмятежно храпел. А бедный почтальон всю ночь не смыкал глаз. Едва начало светать, когда он, беспеременно растолкав спутника, приказал:

— В поход!

Но ему пришлось ещё долго ждать:

Семь с половиной всегда совершал свой утренний туалет тщательно и не спеша. Лишь вычистив каждый волосок своих семи с половиной лап, он заявил, что готов к путешествию.

Хромой Паук быстро пошёл вперёд. У него страшно болела голова после бессонной ночи, а солнце, уже поднявшееся совсем высоко, немилосердно жгло ему затылок. Он очень устал. У него вдруг появилось странное предчувствие, что они никогда не доберутся до замка. А может быть, они уже прошли мимо него и не увидели его своими старыми глазами? Ведь оба были без очков.

Хромой Паук был занят этими мыслями, когда мимо них промчалась маленькая зелёная гусеница, крича:

— Спасайся, кто может! Куры идут!

— Мы пропали! — воскликнул Семь с половиной и пустился бежать.

Хромой Паук замешкался. Но когда одно из чудовищ кинулось на него, он собрал всё своё мужество и, сбросив сумку с плеча, крикнул:

— Передай донесение!..

Больше он ничего не успел сказать. Бедный старый Паук! Никогда уж он не будет носить письма из камеры в камеру, не будет утешать узников. Никогда никто не увидит, как он карабкается, прихрамывая, по влажным крышам и стенам тюрьмы...

Семь с половиной, едва живой от страха, забился в какую-то ямку и пришёл в себя, когда солнце уже заходило. Последние слова друга пришли ему на память: «Передай донесение!..»

«Но кому передать? — задал себе вопрос Семь с половиной. — И какое донесение? Не лучше ли бросить эту сумку в первую попавшуюся яму, а самому вернуться в сточную трубу, где я спокойно жил столько времени? Там нет ни воробьёв, ни кур. Там, конечно, отвратительный запах, но зато нет никаких опасностей... Однако взгляну всё-таки в сумку», — подумал он.

Одно за другим прочитывал он письма, и горькое раскаяние охватывало его.

«Нет, нет, совершенно ясно: по моей вине хромой Паук не доставил этих важных донесений. И по моей вине он погиб, — думал старик. — Теперь я должен в память о друге выполнить его задание».

Не думая больше ни о сне, ни об отдыхе, Семь с половиной отправился в путь. На заре он достиг замка, и в тот же день Вишенка получил письмо Чиполлино.

Одно за другим прочитывал Семь с половинной письма, и горькое раскаяние охватывало его.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О Лимошке, который не умел считать

Однажды утром Лимошка-надзиратель, который носил Чиполлино суп, хлеб и воду, поставив на пол котелок, взглянул внимательно на Чиполлино и сказал:

— Твой отец серьёзно болен.

Чиполлино хотел узнать подробнее, что случилось с отцом, но Лимошка сказал лишь, что Чиполлино не может выходить из камеры на прогулку. И добавил:

— Смотри, не говори никому, что я тебе сказал. Я могу потерять место, а у меня большая семья.

Чиполлино ничего не ответил, но подумал, что форменной одежды ещё недостаточно, чтобы сделать из человека тюремника, что этот вот старик, с виду такой сердитый, служит в тюрьме лишь потому, что надо как-то содержать семью.

Вскоре узники вышли на прогулку и начали уныло маршировать по тюремному двору под команду Лимошки-надзирателя.

— Раз... два... Раз... два!.. — кричал Лимошка.

«Раз... два... — думал Чиполлино. — Паук-почтальон исчез. Прошло уже десять дней. Повидимому, Паук не возвратится. Нет, конечно, с ним что-то случилось, и он не передал писем, иначе Крот уже был бы здесь. Раз... два... Отец болен. Надежды

убежать нет. Что делать? Как спасти отца?»

В этот день прогулка казалась ещё более грустной, чем всегда. Заключённые шагали, согнувшись, не пытаясь даже перекинуться друг с другом словечком, как они это делали обычно. Все мечтали о свободе, но свобода казалась такой далёкой... Дальше, гораздо дальше, чем солнце, спрятавшееся сейчас за тучами. Пошёл дождь, а узники всё продолжали ходить по кругу, так как по тюремным

правилам прогулка проводилась в любую погоду.

Вдруг Чиполлино услышал тихий голос:

— На следующем круге замедли шаг!

«Крот! — сказал про себя Чиполлино, еле сдерживая радостную улыбку. — Ты пришёл! Ты здесь!»

Ему так хотелось поскорее снова очутиться на том месте, где он услышал голос Крота, что он второпях наступил на ногу узнику, идущему впереди. Тот сердито обернулся:

— Будь внимательней, смотри, куда ступаешь.

— Не обижайся, — прошептал Чиполлино, — передай по цепочке, что через четверть часа все мы будем на свободе.

— Ты сошёл с ума?!

— Передай, прошу тебя. Пусть все будет наготове. Мы убежим во время прогулки.

Узник подумал, что ничего не потеряет, если передаст эти слова товарищу. И не успели ещё заключённые закончить очередной круг, как шаг их стал энергичней и живей. Плечи у всех выпрямились.

Дойдя до места, где он услышал голос друга, Чиполлино замедлил шаг. И снова раздался голос Крота:

— Ход готов. Отверстие находится на расстоянии одного шага влево от тебя. Тебе надо только прыгнуть, и земля провалится под твоими ногами, так как мы оставили над подземным ходом лишь тонкую корочку земли.

— Начнём со следующего круга, — казал Чиполлино.

Наступив опять на пятку идущего впереди заключённого, он прошептал:

— На следующем круге, когда я наступлю тебе на пятку, прыгай на шаг влево.

Нужно было отвлечь внимание надзирателя. Узники оговорились по цепочке, и через некоторое время кто-то из них воскликнул:

— Ой, ой!..

— Что случилось? — заревел Лимошка.

— Мне наступили на пятку, — пожаловался узник.

В то время как Лимошка вёл этот разговор, в противоположном конце двора узники уже подошли к заветному месту.

Чиполлино толкнул ногой заключённого, стоявшего перед ним. Тот сделал прыжок влево и провалился сквозь землю. А Чиполлино передал по цепочке, что каждый раз на этом месте узник, которого он толкнёт ногой, должен прыгать влево.

Так они и сделали. Один за другим узники исчезали в дыре. Чтобы помешать Лимошке раскрыть секрет, кто-нибудь всё время вскрикивал:

— Ой, ой!..

— Что случилось?! — ревел надзиратель.

— Мне наступили на пятку! — отвечал каждый раз жалобный голос.

— Сегодня вы только и делаете, что наступаете на пятки. Будьте поосторожней!..

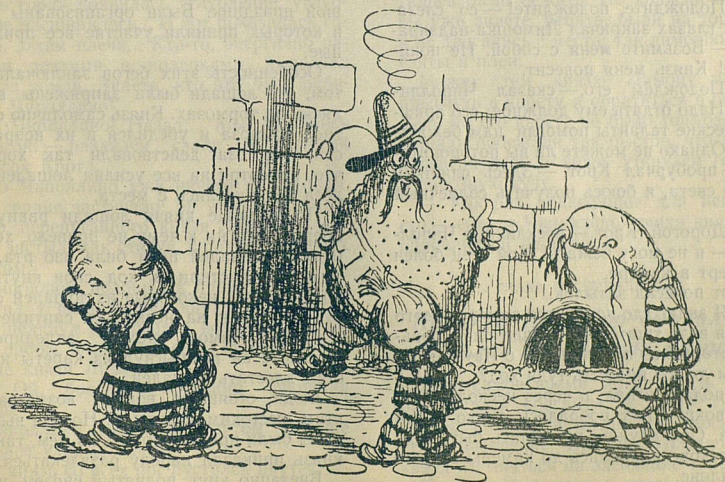
После пяти кругов Лимошка-надзиратель стал осматривать круг узников с некоторым беспокойством. «Бьюсь об заклад, — говорил он себе, — что цепочка укоротилась... Но ведь этого не может быть!»

Чтобы убедиться, что он ошибается, надзиратель начал считать узников. Но они двигались по кругу, и Лимошке никак не удавалось запомнить, с кого же он начал считать. Многих он считал по два раза, и в конце концов количество узников у него даже увеличилось.

«Не может быть, чтобы их в самом деле стало больше! — поражался Лимошка. — Что за глупая вещь эта арифметика!»

Как вы уже сами поняли, ребята, Лимошка был не особенно силен в этой науке. То и дело он начинал считать сначала, и наконец решил перестать, чтобы не спутаться окончательно.

А Чиполлино всё это время думал о своём отце. Каждый раз, когда узник, стоявший перед ним, исчезал в галерее, прорытой Кротом, у Чиполлино сжималось сердце. «О, если бы это был мой отец!» Но нечего было и думать сейчас об освобождении.

Узники двигались по кругу, и Лимошке никак не удавалось запомнить, с кого же он начал считать...

дени Чиполлоне, запертого в своей камере. Чиполлино в глубине сердца решил, что поможет всем убежать, а сам останется с отцом. Он не хотел свободы, если этой свободой не мог воспользоваться его отец.

И вот осталось уже только пятнадцать узников. Вот их только десять... девять... восемь...

Ошеломлённый Лимошка автоматически продолжал отсчитывать:

— Раз... два...

«Тут какая-то дьявольщина,— испуганно думал он про себя.— После каждого круга один исчезает. Что же мне делать? До конца прогулки осталось ещё семь минут. Устав есть устав. Но что если за это время все исчезнут? Вот их осталось всего-навсего шесть. Да что я говорю, пять!..»

Тут Лимошка решил положить конец волшебству и крикнул:

— Стоп!

— Скорее прыгайте!— закричал оставшимся узникам Чиполлино.— Скорее, пока он не поднял тревогу!

Один за другим узники исчезли. Чиполлино с грустью смотрел им вслед. Вдруг он почувствовал, что кто-то схватил его за ноги. Это друзья поняли намерения Чиполлино и без лишних разговоров втащили его в подземелье.

— Не глупи! На свободе ты принесёшь больше пользы отцу... Бегим скорее!

— Подождите, подождите!— со слезами на глазах закричал Лимошка-надзиратель.— Возьмите меня с собой. Не покидайте! Князь меня повесит.

— Подождём его,— сказал Чиполлино.— Надо отдать ему должное: его арифметические таланты помогли нам бежать.

— Однако не можете ли вы поторопиться?— пробурчал Крот.— Здесь слишком много света, я боюсь получить солнечный удар.

— Дорогой Крот,— воскликнул Чиполлино,— я не могу бежать! Мой отец болен и заперт в камере.

Крот почесал затылок.

— Я знаю, где находится камера твоего отца, я ведь тщательно изучил план тюрьмы, который ты прислал мне с Пауком. Но успеем ли мы прорыть туда ход?

Он подал сигнал, и через несколько секунд вокруг них собралось около сотни кротов. Они дружно принялись рыть землю и вскоре добрались до камеры старого Чиполлоне.

Первым проник туда Чиполлино. Он быстро провёл отца в подземную галерею,

где их ждали все остальные. И, знаете, ребята, это было сделано как раз вовремя: лимошки-надзиратели в поисках исчезнувших узников уже обходили камеры.

Когда лимошки поняли, что заключённым удалось бежать, они пришли в ужас. Они знали, что князь Лимон не простит им, и их ждёт страшная кара. Нет, им остаётся только бежать! И вот, бросив ружья, лимошки тоже направились в галерею, прорытую кротами. Галерея оказалась пустой. Пройдя по ней, они вышли в поле и добрались до деревни. Тут лимошки сбросили свою военную форму, выбросили даже колокольчики, которые носили на шляпах, и надели обыкновенную рабочую одежду.

Ну, а что же произошло с Чиполлино? Думая, что надзиратели преследуют их, старый Крот и Чиполлино снова призвали на помощь кротов. И те прорыли новый ход, бросив тот, что вёл в деревню. Но где же они теперь?

Минуточку терпения, ребята. Сейчас вы всё узнаете.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Князь Лимон устраивает бега

Тем временем князь Лимон по случаю одержанной победы решил устроить большой праздник. Были организованы бега, в которых приняли участие все придворные.

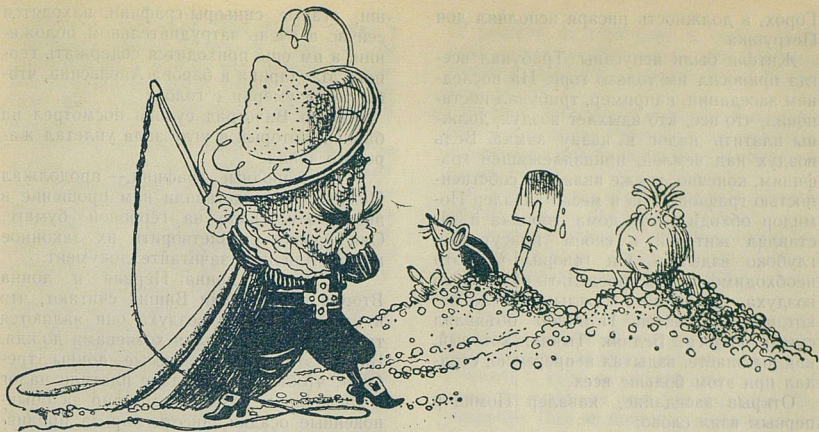
Особенность этих бегов заключалась в том, что лошади были запряжены в коляски на тормозах. Князь самолично осмотрел тормоза и убедился в их исправности. Тормоза действовали так хорошо, что, несмотря на все усилия лошадей, колёса не двигались с места.

По команде князя лошади рванулись вперед. Это ни к чему не привело, хотя у бедных лошадей пена била изо рта. Тут лимошки пустили в ход свои кнуты, и только тогда некоторые из лошадей сдвинули коляски на несколько сантиметров.

Князь Лимон громко аплодировал. В азарте он выпрыгнул из кареты и сам стал хлестать лошадей.

Люди, стоявшие вокруг, возмущались этим жестоким зрелищем. Но они вынуждены были присутствовать на нём, так как князь приказал народу развлекается.

Внезапно кнут, поднятый князем, повис в воздухе, глаза князя широко раскрылись, ноги начали дрожать, лицо поблед-

Чиполлино увидел перепуганного князя Лимона, который застыл, как статуя, с поднятым вверх кнутом.

нело, а жёлтая шляпа закачалась так, что золотой колокольчик, украшавший её, отчаянно зазвенел.

Что же такое увидел князь?..

Сначала перед ним появился маленький бугорок. Затем выросла горка земли — такая, какие обычно бывают в поле, когда Крот роет свои подземные ходы. На вершине горки появилось углубление, углубление расширилось... И вот показалась голова, затем плечи... Кто-то, энергично работая локтями и коленками, выползал из-под земли. Знаете, кто это был, ребята?.. Чиполлино!

— Чиполлино! Назад!.. Мы ошиблись дорогой! — раздался сзади испуганный голосок Крота...

Но Чиполлино уже ничего не слышал. Его сердце застучало: он увидел вспотевшего, перепуганного князя Лимона, который застыл, как статуя, с поднятым вверх кнутом.

Чиполлино подошёл к правителю и схватил у него из рук кнут. Он помахал им, шёлкнул два раза в воздухе, как бы для пробы, и изо всей силы стегнул им по спине князя Лимона.

— Ой, больно! — отчаянно закричал князь.

Чиполлино взмахнул кнутом и ещё сильнее ударил князя.

И князь со всех ног пустился наутёк.

И тут из-под земли, как по волшебству, вышли освобождённые узники. Чиполлино

с Кротом вывели из тюрьмы всех заключённых. Народ окружил их. Люди сжимали в объятиях своих родных: отец — сына, жена — мужа...

В один миг кордон полиции был прорван. Подняв на руки освобождённых, народ двинулся по улицам города.

Перепуганные насмерть лимошки попытались было бежать. Но коляски их, как вы уже знаете, ребята, были на тормозах и не двигались с места; так лимошки были взяты в плен.

Между тем князю Лимону удалось прыгнуть в карету и обратиться в бегство. Ведь на его карете не было тормозов! Но лошади побежали так быстро, что карета перевернулась и князь уткнулся головой в навозную кучу.

— Как раз подходящее для него место, — сказал Чиполлино, увидя князя под опрокинутой каретой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кавалер Помидор объявляет налог на плохую погоду

В то самое время, когда князь Лимон развлекался «бегами», в замке графинь Вишен в одном из залов собралось окрестное население. Кавалер Помидор приказал им явиться на заседание трибунала.

Председательствовал здесь всё тот же кавалер Помидор, адвокатом был сынёр

Горох, а должность писаря исполнял дон Петрушка.

Жители были испуганы. Трибунал всегда приносил им только горе. На последнем заседании, например, трибунал постановил, что все, кто вдыхает воздух, должны платить налог в казну замка. Ведь воздух над землёй, принадлежащей графиням, конечно, также является собственностью графинь. Раз в месяц кавалер Помидор обходил все дома городка и заставлял жителей в своём присутствии глубоко вздыхать. Он говорил, что это необходимо, чтобы определить количество воздуха, вдыхаемого каждым. После некоторых подсчётов Помидор объявлял сумму налога. Бедняк Тыква, который, как вы знаете, вздыхал непрерывно, страдал при этом больше всех.

Открыв заседание, кавалер Помидор первым взял слово:

— В последнее время доходы замка значительно упали. Бедные сиротки на-

ши, старые синьоры-графини, находятся сейчас в очень затруднительном положении, а им ещё приходится содержать герцога Мандарина и барона Апельсина, чтобы те не умерли с голода.

Мастер Виноград сурово посмотрел на барона, который в углу зала уплетал жареного зайца.

— Благородные графини, — продолжал Помидор, — представили нам прошение в письменном виде на гербовой бумаге. Они просят удовлетворить их законное право. Адвокат, зачитайте документ.

— Синьоры, донна Первая и донна Вторая по фамилии Вишня считают, что в качестве хозяев воздуха они являются также полновластными хозяевами дождя. Ввиду этого высокочтимые донны требуют, чтобы все граждане платили налог в следующем размере: сто лир за обыкновенные осадки, двести лир за проливной дождь с громом и молнией, триста лир за снегопад и четыреста лир за град.

Председатель спросил адвоката:

— Гербовая бумага правильно оформлена?

— Да, синьор председатель, — вытянулся Горох.

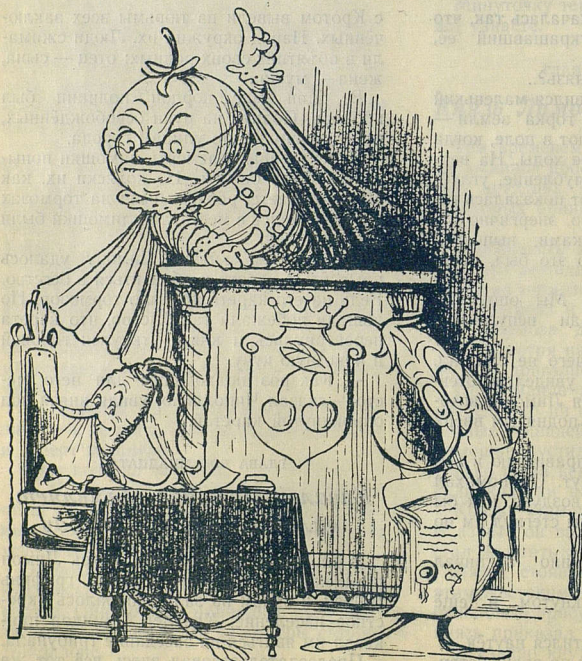
— Прекрасно. Если гербовая бумага в порядке, графини правы. Суд удаляется для принятия решения.

И кавалер Помидор торжественно вышел в соседнюю комнату.

Груша-Груша гонько толкнул своего соседа Лука-Порея:

— Вы находите справедливым платить налог за град? Дождь и снег хоть приносят пользу полям. А град? Ведь это — бедствие. А вот, пожалуйста, плати теперь за него самый высокий налог!

Лук-Порей нервно покручивал усы и ничего не отвечал.

— Если гербовая бумага в порядке, графини правы.

Мастер Виноград стал искать шило в кармане, чтобы почесать затылок, но вспомнил, что у него уже теперь нет шила: прежде чем войти в суд, каждый обязан был сдать всё имеющееся при нём оружие.

Дон Петрушка внимательно следил за всеми и записывал в специальную книгу: «..Груша-Груша что-то шептал... Лук-Порей крутил усы... Тыквина фыркнула...» Всё это дон Петрушка записывал в колонке, отведённой для «плохих» жителей. А в колонке «хороших» дон Петрушка писал: «Герцог Мандарин хороший. Барон Апельсин очень хороший: заканчивает тридцать четвертую порцию жареного зайца».

Дон Петрушка писал быстро, хотя и левой рукой. Правая рука ему была нужна, чтобы поддерживать кончик носа, когда дон Петрушка сморкался.

«Ах, — думал мастер Виноград, — если бы здесь был Чиполлино, он не допустил бы этого указа! С тех пор как Чиполлино попал в тюрьму, с нами обращаются, как с рабами. А мы молчим, боимся, что дон Петрушка запишет нас в свой кондуит...»

Всех, кого дон Петрушка записывал в колонку «плохих», он заставлял платить штраф. Мастер Виноград платил почти ежедневно. А иногда и по два раза в день.

Наконец Помидор вернулся в зал заседаний.

— Встать! Суд идёт! — скомандовал дон Петрушка.

— Суд признаёт, — прочёл кавалер Помидор, — что графини Вишни имеют право установить налог на дождь и на другие небесные невзгоды. Поэтому суд постановляет следующее: каждый горожанин должен внести в кассу замка вдвое больше того, что указано в прошении графинь.

По залу прошёл ропот.

— Молчать! — завизжал Помидор. — Я ещё не кончил. Суд постановил также, что налог будет взиматься и за радугу, иней, тучи и бурю. Решение входит в силу с сегодняшнего дня.

Все с испугом посмотрели в окно. Небо было серым. Явно приближалась буря...

Красное лицо Помидора расплылось в самодовольной улыбке.

— Ваше превосходительство, — воскликнул Горох, — барометр падает, какое счастье! Несомненно, будет плохая погода.

И через некоторое время в самом деле разразилась буря. Синьор Горох запрягал

от радости на скамейке, а мастер Виноград, еле сдерживая злость, ещё пристальнее стал смотреть на носки своих башмаков.

Бедным горожанам этот дождь показался концом света. Гром был для них хуже пушечных выстрелов, а молнии разрывали им сердце.

Дон Петрушка, смочив языком чернильный карандаш, быстро подсчитывал доходы, которые теперь бурным потоком польются в казну замка. Он подсчитал и сумму штрафов. Получилось целое состояние.

Тётка Тыквина начала плакать. Это очень рассердило Помидора, и он выгнал всех из зала. Бедняги вышли под дождь и пошли к себе на окраину городка. Они даже не ускорили шаг. Им всё было безразлично. Они не боялись ни промокнуть, ни простудиться: когда болит душа, мелких несчастьев не замечаешь...

При переходе через железнодорожные пути все немного задержались: проходил поезд. Вот мелькнул паровоз, в его окошке улыбался машинист с цветком в зубах... Вот пролетели вагоны, и в последнем вагоне...

— Святая дева! — воскликнула тётка Тыквина. — Посмотрите! Посмотрите на последний вагон: там Чиполлино!

И в самом деле, это был Чиполлино. Наши друзья подбежали к станции как раз в тот момент, когда Чиполлино выходил из вагона. Он рассказал им о том, что произошло в городе. И все вместе они отправились снова в замок. Вишенке, конечно, немедленно сообщили о приезде Чиполлино. Вы можете себе представить, ребята, как встретились два друга...

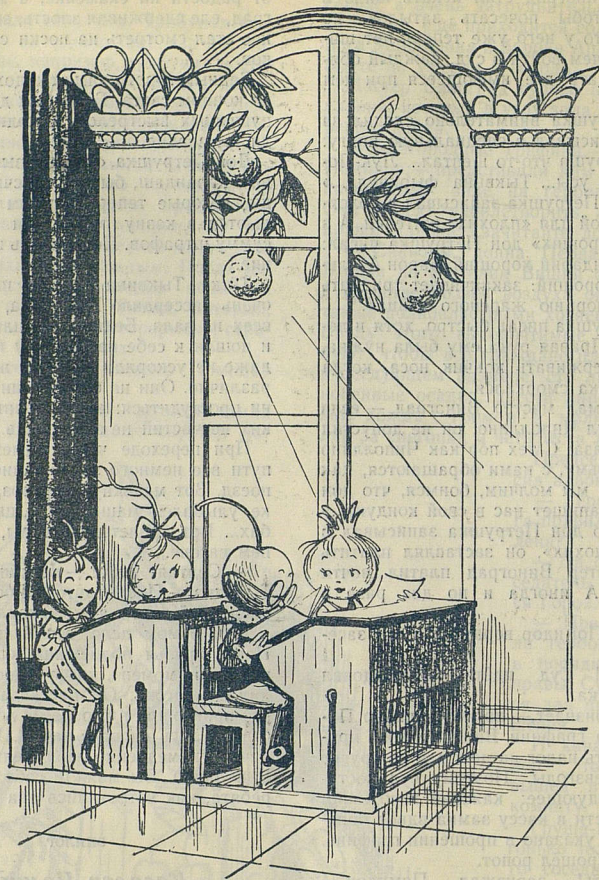
эпилог

Кавалер Помидор плачет во второй раз

И вот над башней замка взвилось красное знамя.

Первым его заметил кавалер Помидор. Он подумал, что это проделка Вишенки, и, придя в ярость, решил сделать сразу две вещи: сорвать грозное знамя и дать несколько шлепков Вишенке; на этот раз его шутки перешли все границы.

Кавалер Помидор тотчас же стал взбираться по лестнице. «Сейчас я доберусь до него! — думал он. — Сейчас сорву это знамя!»

Чиполлино и Вишенка сидят теперь за одной партой.

Но когда он поднялся наверх, он так раздулся от злости, что не мог протиснуться в узкую дверь.

И вот он стоял в двух шагах от знамени, которое развевалось, сверкая в лучах солнца, стоял и не мог даже дотянуться до него. И это было тем более ужасно, что рядом с древком знамени, возле Вишенки, нервно протирающего очки, кавалер Помидор увидел своего ненавистного противника, того, кто заста-

вил его заплакать первый раз в жизни, — Чиполлино!

— Добрый день, синьор Помидор! — произнёс Чиполлино, кланяясь.

Этот поклон был большой неосторожностью. Помидору оставалось только протянуть руку, чтобы схватить нашего героя за волосы, что Помидор и сделал, так же, как в первый день их встречи.

И так же, как тогда, Помидор почувствовал щекотание в глазах, и слёзы за-

капали у него с ресниц. Большие, как орехи, падали они на пол, издавая звук: «Кап... кап... кап...»

Однако на этот раз Помидор плакал не только из-за того, что коснулся луковичных волос. На этот раз он плакал от злости.

«Конец! Конец!» — думал кавалер Помидор, захлёбываясь слезами...

С этого мгновенья события стали развёртываться с молниеносной быстротой: дни мелькали один за другим, как листки календаря, если их начнёшь быстро перелистывать...

Князь Лимон и графини Вишни были отправлены в ссылку.

Барон Апельсин стал худым, как щепка, и пошёл работать на станцию носильщиком. Герцог Мандарин живёт теперь при нём и не просит, чтобы ему что-нибудь подарили.

Бедняк Тыква уже больше не вздыхает, он стал главным садовником в замке, а Помидор у него на службе.

А замок? Замок перестал быть замком, теперь это дворец для ребят. Там есть и зал для игры в пинг-понг, и кружок рисования, и кукольный театр, и кино... И, ко-

нечно, там есть школа. Чиполлино и Вишенка сидят теперь за одной партой и изучают арифметику, родной язык, историю и другие прекрасные вещи, которые должны знать люди, не желающие подпускать врагов к своей стране.

— Потому что врагов в мире много... — так обычно говорит Чиполлоне своему сыну. — И те, кого мы прогнали, тоже, наверно, попытаются вернуться...

Но я уверен, что им не удастся вернуться... Не вернётся и синьор Горох; он исчез неизвестно куда, так как чувствует, что у него много грехов на совести.

Говорят, он теперь адвокат в одной иностранной державе, но мне это решительно безразлично.

Я забыл ещё добавить, что мэром нашего города стал мастер Виноград и он отлично справляется со своей должностью.

На этом мой рассказ закончен.

Правда, в мире существуют ещё много замков и ещё много злодеев, кроме князя Лимона. Но наступит день — в эти замки тоже придут играть дети.

Так оно и будет!

ДАЛЕКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Джанны Родари

Перевод С. Маршак

Хочу я по всей прокатиться планете,
Разведать, что делают дети на свете,
Как их зовут,
Хорошо ли живут.
Выяснить надо, кто учится в школе,
Справиться, школа у них далеко ли,
Как их здоровье, сколько им лет,
Есть ли у папы работа иль нет.
Кто поправляет на них одеяльце?
Кто им лекарство с вареньем даёт?
Кто погрозит им рукой, если пальцы
Вдруг по привычке возьмут они в рот?
Кто говорит им: «Какой ты лохматый!» —
Гребнем пытаясь пригладить вихор?
Кто терпеливо им ставит заплаты,
Если порвутся штаны о забор?
Я бы хотел поскорей убедиться,
Кто из детей темноты не боится.
Есть ли всегда в изголовье ребят

Радостный сон наготове?
Кто их, когда они долго не спят,
За руку держит с любовью?
Кто говорит им, что тень на полу
Только от платьев, висящих в углу?

Так обойду я
Все страны на свете.
Детям скажу я:
— Здравствуйте, дети,
Белые, жёлтые, красивые, чёрные,
Дети степные, лесные и горные,
Дети Турина, ребята Берлина,
Весёлые дети Москвы и Пекина,
Печальные дети рассветной страны —
Живые цветы под косяю войны.
Каков бы он ни был, волос ваших цвет,
Детям мира — привет!

Д Л Я Н О В Ы Х ГИДРОСТАНЦИЙ

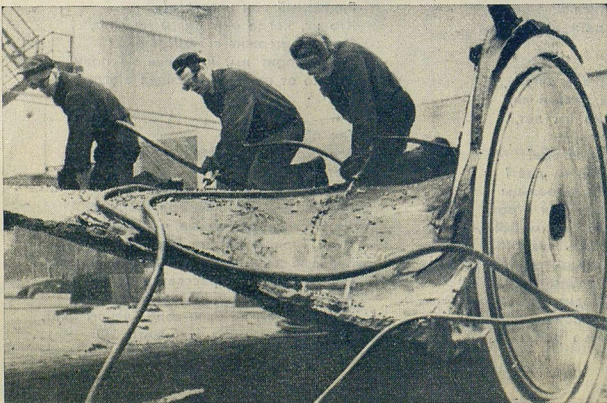
Посмотрите на эти фотографии. На них какие-то огромные металлические предметы: кольцо, по которому можно на автомобиле прокатиться, барабан с четырьмя отверстиями в рост человека, причудливое крыло, на котором свободно умещаются трое рабочих. Что это такое?

Это части водяной турбины. Нетрудно представить себе, какой металлический великан получится, когда все эти части будут соединены вместе!

Такие великаны рождаются на Ленинградском металлическом заводе имени Сталина. На этом заводе были сделаны четыре турбины для Цимлянской ГЭС. Сейчас завод строит турбины для Горьковской гидроэлектростанции на Волге. А пройдет немного времени, и начнут строиться турбины для Куйбышевской ГЭС. Это будут из великанов великаны. Судите сами: каждая из них будет весить тысячу шестьсот тонн — столько же, сколько весят шестьдесят мощных паровозов. Только один болт для крепления рабочего колеса к валу будет весить около ста пятидесяти килограммов.

И сила у такой турбины будет богатырская. За один час она, вращая генератор, вырабатывает столько электричества, сколько нужно, чтобы сделать на заводе восемьдесят легковых автомобилей, или двадцать пять мощных тракторов, или два больших паровоза!

Это только за один час. А сколько энергии она даст промышленности за год, сколько полезных и нужных машин сделают с её помощью рабочие!

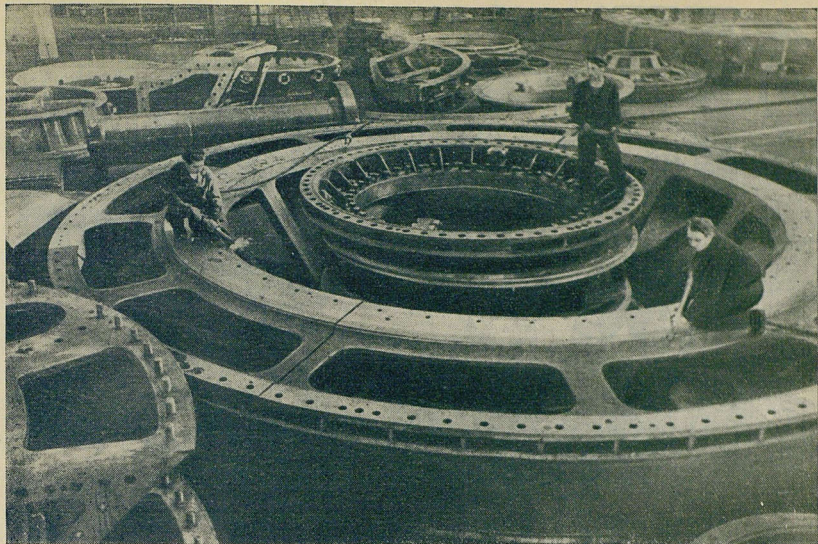
И при всём этом турбина так хорошо устроена, что совсем не нуждается в постоянном присмотре и уходе. Управлять этими гигантами будут инженеры, находящиеся за десятками километров от гидроэлектростанции. Повернув рычажок, человек сможет пустить турбину в ход или, наоборот, остановить её. Другие рычажки будут уменьшать и увеличивать её мощность. Распоряжения инженеров в виде электрических сигналов с быстротой молнии побегут к турбине и включат тот или иной управляющий механизм.

Допустим, надо уменьшить мощность турбины. Подан сигнал. Тотчас приходит в действие особый обслуживающий мотор и начинает поворачивать лопасти направляющего аппарата. Лопатки эти, обтекаемой формы, похожие на крылья самолёта, стоят частоколом на пути воды. Когда они повернуты к потоку ребром, воды к рабочему колесу подходит больше всего. Когда же лопатки повернутся к потоку плашмя, они образуют сплошную стенку — и путь воде закрыт. Чтобы немного уменьшить мощность турбины, надо не полностью перекрыть дорогу воде. Задача обслуживающего мотора — чуть сдвинуть, повернуть лопасти друг к другу и этим уменьшить щели, через которые бежит вода.

Но если ограничиться только этим, турбина замедлит вращение, а это недопустимо. Ведь тогда и генератор будет вращаться медленнее, а с ним уменьшат свои обороты и тысячи электродвигателей, которые этот генератор приводит в ход. И вот одновременно с лопастями направляющего аппарата начинают поворачиваться вокруг оси лопасти рабочего колеса. Они становятся под таким углом к потоку, что сохраняется нужное число оборотов. И всё это турбина выполняет сама. Человек, послав первую команду — «уменьшить мощность», — уже не вмешивается в работу многочисленных управляющих механизмов и обслуживающих моторов. Они работают автоматически.

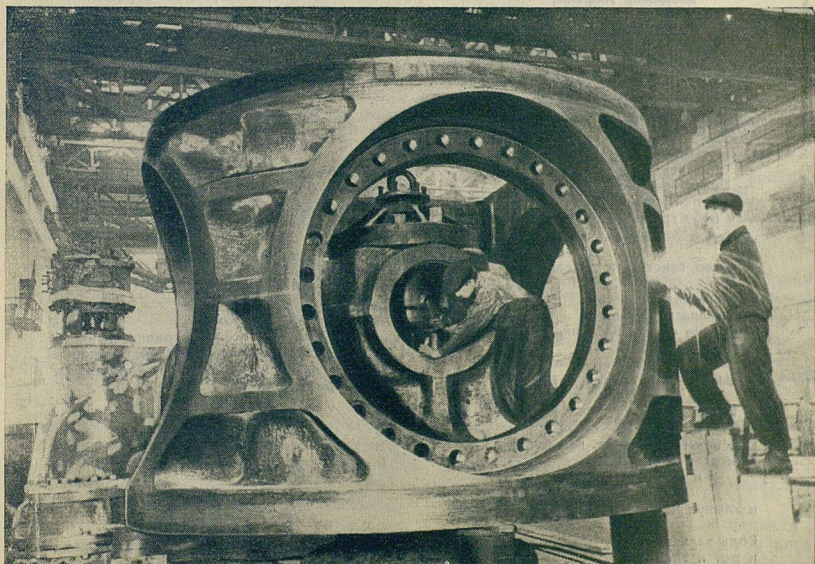
Эта простота в управлении — результат большого труда учёных и инженеров, выработавших турбину, и рабочих, превративших проект в умную и мощную машину.

Наши советские турбостроители самые умелье в мире, а потому наши турбины самые мощные и самые совершенные.

Великий завод
в Ленинграде
строит турбины
для электростанций

ПРОЗА В ПОЯС

ГРОЗА В ГОРАХ

Владимир Лифшиц

Рисунки А. Сафонова и В. Жарикова

Четвёртый отряд —
из старших ребят —
взбирался на горную кручу,
как вдруг над горой
полдневной порой
увидел громадную тучу.

— Спасайся, ребята!
— Промокнем насквозь!
— Скорей укрывайтесь под елью!
А в небе гремело,
гудело,
рвалось,
и ветер свистел по ущелью.

Свинцовая туча
вздымалась, как слон,
и солнце от нас заслонила.
Большая, как слон, —
во весь небосклон —
вздымалась и грозно трубила!

И белая молния,
вспыхнув во мгле,
над нами сверкнула, как бивень.
Притихло
и замерло всё
на земле,
и хлынул невиданный ливень.

Вода заливаёт
и рот и глаза.

Закрылись туманные дали.
— Вот это, ребята,
гроза так гроза!
Такой мы ещё не видали!

Давно уже каждый
до нитки промок.
Стоим под гранитной кручей.
А рядом
стремительный
горный поток
несётся лавиной могучей!

С утёса
он делал прыжок
на утёс
и, словно бы так, между прочим,
тяжёлые бревна, как пёрышки, нёс,
тяжёлые камни ворочал!

И вдруг —
не могу этот миг позабыть —
мы видим, что тонет телёнок.
Он к нашему берегу пробует плыть,
но нет, не хватает силёнок!..

Мы слышим сквозь бурю
протяжное «Му-у-у!»
То спинка мелькнёт,
то коленка...
— Ребята, ребята, поможем ему! —
воскликнул Петрусь Василенко.

Мы, за руки взявшись,
шагнули в поток.
Вода в нём пuzziрилась,
как кипяток.
Под каждым клубилась воронка.
— Ребята, не трусь! —
воскликнул Петрусь,
за холку хватая телёнка.

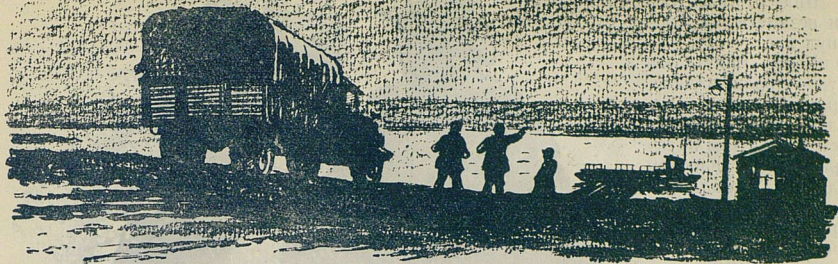
И сразу нам солнце сверкнуло в глаза,
умылились лазурные дали...
— Никак миновала, ребята, гроза?
— Такой мы ещё не видали!..

* * *

Отряду
хозяйин телёнка —
колхоз —
корзину прислал винограда.
— За что? — мы спросили.
На этот вопрос
колхозник ответил:
— Награда!

Петрусь говорит:
— Нам не нужно наград...
— Ну, стало быть, просим прощенья.
Тогда не награда, а так — виноград...
Примите от нас угощенье!

О Г О Н Ь К И

Рассказ Леонида Сёмина

Рисунки В. Константинова

В селении с кирпичными опрятными домиками нам сказали, что автоколонна, которую мы стремились догнать, прошла совсем недавно.

— У переправы нагоните.

— А далеко она, переправа? — невольно спросил шофёр.

Нам хотелось вернуться 'засветло, а между тем сгущались сумерки.

— Недалеко! Скоро огоньки будут видны.

Машина тронулась по гладкому шоссе. Шофёр молча и сосредоточенно смотрел вперёд. Сумерки становились плотнее, но огоньков всё не было. Наконец водитель воскликнул:

— Речка!.. Вон она... Видите?

У переправы нас встретил высокий мальчик в рыжей измятой шляпе с обвисшими полями и в брезентовом плаще не по росту, с торчащим за спиной, словно куль, капюшоном. Пблы плаща касались серой, промоченной весенним дождём земли.

Мальчик стоял на невысоком помосте, оглядывая степь и, казалось, к чему-то прислушивался. А степь раскинулась во все стороны, зеленеющая молодой травкой, ровная, — ни лодинки, ни холмика. Только речка, вздущаяся и тёмная от весенних потоков, пересекала её. И ещё дорога. Она исчезала, будто нырнув в

тёмную воду, внезапно появлялась на другом берегу и там снова тянулась серой извилистой лентой.

— А от колонны и след простыл... — вздохнул шофёр.

У берега тяжело раскачивался паром с жёлтой каютой — моторным отделением — на корме. По реке катились белые буруны, стремительно налетая на паром и разбиваясь о его смолёный борт.

Мы вышли из кабины. Мальчик, как бы не замечая нас, снял промокшую от дождя шляпу, ударил ею о колено — веером разлетелись брызги воды.

— Автомобили давно переправились?

— Нет. Только что последняя пятёрка переехала.

Он держался солидно и подчёркнуто независимо. За рекой, там, где ещё светлело небо на горизонте, мы увидели тёмные коробочки удаляющихся машин.

— Придётся вам подождать. Из-за одной машины паром не погоню. Андрюха не велел...

— А кто это Андрюха?

— Брат мой, Андрей Иванович, — поправился мальчик. — Он тут перевозчик.

— Ну и давай его нам! — сказал шофёр, разминая затёкшие ноги.

— В будке он. — Мальчик показал на сторожку возле парома. — Ногу у него в сырость ломит. С войны так... А сменщика

я не стал вызывать — обойдусь...

Шофёр улыбнулся и незаметно подмигнул мне.

Через минуту мы уже стояли в квадратной, очень маленькой комнатке сторожки. Там на деревянном широком диване лежал прикрытый полушубком русский, лет тридцати, человек.

— Не будите его, пусть спит, — предупредил мальчик. — У него сквозная рана была на ноге...

Мы сели на табуретки. Шофёр закурил и через минуту спросил:

— Отправлять — то нас скоро будешь?

Мальчик поправил полушубок на брате, едва заметно улыбнулся и ответил:

— Все шофёры на свете торопятся... Отправлю — не заночуете. И колонну догоните, она на заправку остановится скоро...

Разговаривая с нами, он, не суетясь, подогрел на круглой железной печурке чай.

— Здесь вы с братом и живёте?

— Здесь, — отвечал мальчик, поглядывая в узкое оконце. — Чай пейте... На дворе то ветер... Холодная весна.

Точно уловив наши мысли, он спросил:

— Что? Скуchnоватый вокруг вид. Правда? Но вы скоро не узнаете нашей переправы. Вот только товарищ Огнев почему-то подводит. Может, случилось у него что?

— Огнев? Серафим Петрович? — удивлённо переспросил я.

— Ну да... Инженер. Пообещал цветов и саженьев, да не прислал вот. И сам не приехал. А время дорого. На деревьях почки лопаются.

Я знал Огнева — начальника строительства четвёртого участка. Этот неутомимый человек руководил сейчас стройкой городка при гидростанции. Строители дали обязательство выстроить городок досрочно, и новый город быстро рос. Какие

Слова Семёна прервал телефонный звонок.

поездки мог совершать Серафим Петрович, о каких посылках думать?

— Где уж ему приехать, — сказал я. — Дел у этого человека по горло.

Но мальчик, упрямо покачивая головой, порхал в карманах шуршащего плаща и достал свёрнутый квадратик листка бумаги.

— Обещал. И один раз уже прислал. Вот записка от него. Видите: «Семёну Гордееву». Это меня Семёном зовут.

Пробежав глазами по строчкам, я узнал знакомый угловатый почерк.

«Дорогой Семён, — писал Огнев, — саженьев тебе и твоим пионерам пришлось с автоколонной в пятницу и семян мичуринских сортов. С ними осторожнее обращайся. Жаль будет, если пропадут. Заеду к вам обязательно...»

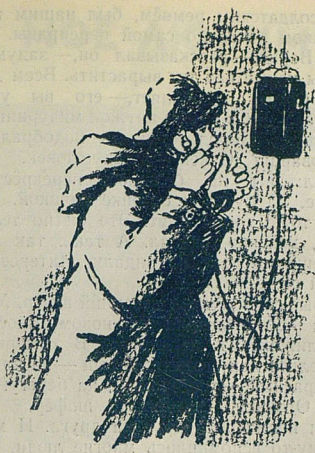
«Огнев никогда не бросает слов на ветер, — с недоумением подумал я. — Что бы это значило? Неужели забыл?..»

— Да-а... Что-нибудь у него случилось, — отхлёбывая чай, сказал Семён. — А то бы не подвёл.

Слова его прервал телефонный звонок. Одновременно со звонком за окном, на столбе, замигала красная лампочка.

Мальчик вскочил, зажал молоточек звонка в ладони и оглянулся на спящего.

— Разбудит ещё!.. Больному сон дорог. Человек всю ночь мучился.

— Станция, алло, станция!

Помедлив секунду и убедившись, что брат спит, он приглушённым голосом сказал в трубку:

— Алло!.. Да, переправа. Кого надо?.. Что-о?..

Семён посмотрел на нас и опять медленно перевёл взгляд на брата. Дублёный полушубок равномерно подымался на груди спящего.

— Слушаю... Ну, да, я самый, Семён...

И вдруг, уже не понижая своего мальчишеского, звонкого голоса, он громко крикнул:

— Станция, алло, станция!.. Да не мешай, совхоз, ну тебя!.. Ой, здравствуйте!..

Глаза мальчика засыпали. Прикрыв рот ладонью и оглядываясь на спящего, он закричал в микрофон:

— Товарищ Огнев! Здравствуйте!.. Что? Не-ет... Не получал.

Семён недоуменно моргал глазами, а из чёрной маленькой трубки тоненький комариный голосок телефонистки настойчиво требовал:

— Кончили?.. Алло! Алло! Повесьте трубку! Абонент, повесьте трубку!

Мальчик повесил трубку и упавшим голосом проговорил:

— Прозевали!..

В это время за окном в степи послышался далёкий гул.

Семён стал торопливо застёгивать шуршащий брезентовый плащ с капюшоном.

Рыжая шляпа сидела на его голове грибом-волнушкой.

— «Наложу взыскание на этого шофёра»,— говорит товарищ Огнев. Да только ведь я и сам виноват...

— Постой,— поднялся с табурета шофёр.— Ты куда собираешься?

— Слышите?— Мальчик наклонил голову набок.— Машина гудит. Вот и отправлю вас вместе. Знаете?..— Он замаялся на миг.— Вы, кажется, сказали, что скоро обратно поедете? Может, захватите мои саженцы? Они с этой самой колонной мимо проехали. Их брат перевозил, я в школе был, а он не знал, ну, и водитель, видно, тоже забыл. Вот и получилась чепуха...

— Отчего же? Можно,— согласился шофёр.— Такому парню, как ты, привезу. Только у кого их спрашивать?

— Газик. Номер 28-98.

Мы вышли из сторожки. Ветер немного утих. Сумерки сгустились.

— Эй, заезжайте на палубу!— степенно кивнул мальчик выглядывавшему из кабины шофёру громадного жёлтого бензовоза, который спускался к реке.

Нам Семён сказал:

— Хотите посмотреть? Вот оно, хозяйство наше! А это... это как бы проба. Первая ведь.

Подойдя к небольшому корявому деревцу, он любовно поднял с земли бурый прошлогодний листок.

— Дороги здесь тогда ещё не было — только строилась. А паром был на канатной тяге. Мы тут с братом и обосновались, на новом месте. После войны одни мы с ним остались. То есть без родни. Первые годы жили там, в деревне. В деревне я и нашёл её. Во-он там впадинка есть. В кустарничке росла. Дуля! Думал, дикая...

— Груша,— поправил шофёр.

— Всё равно. Мы дулей зовём... И ведь что вы скажете?— продолжал он.— Одна вот такая дулька,— Семён сжал кулак,— минувшим летом уродилась. До чего хороша! Брат говорит, это бера, сорт такой. Ишь, как разрослась!— Он потрегал веточки, голос его стал ещё тише, ласковее.— Привольно ей тут, на новом месте. А какая чахлая была! Там, в кустах-то, ежевика да шиповник её душили. Интересно, кто эту дулю там, в низине, посадил? Хороший человек, видно...

Мы вкатили машину на палубу, поставили рядом с бензовозом.

— И знаете,— снимая цепь с причала, говорил Семён,— позапрошлой зимой нашу дулю зайцы обглодали. Я уж думал, пропадёт... Да Андрияха посоветовал бинтовать её. Так и спасли...

Паром тронулся. За его бортом шумели волны. Веяло запахом недавнего половодья, свежестью весны, мелкие брызги время от времени долетали до палубы.

Мальчик отлично справлялся с обязанностями моториста. Чувствовалось, что это — уже привычное для него дело. У берега он сказал:

— Счастливого пути! Не забудьте: номер 28-98. Буду ждать!..

Догнав автоколонну в селении, мы без труда отыскали нужную машину с саженьцами и пакетом семян мичуринской груши.

— Эх ты! — узнав, в чём дело, принялись укорять шофёра с сонным и небритым лицом его товарищи.— Парнишку обидел. Чуть всё дело им не сорвал... Сонный ты человек!

— Виноват,— оправдываясь, развёл тот руками.

Назад возвращались той же дорогой. Мальчуган в ватном пиджаке, подпоясан-

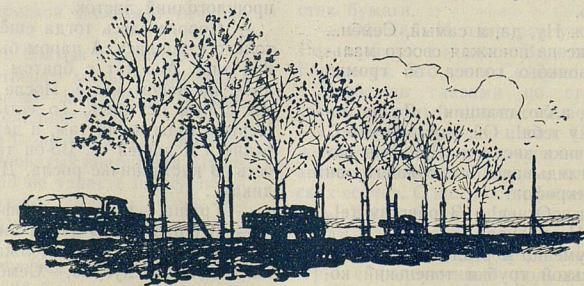
ном солдатским ремнём, был нашим попутчиком почти до самой переправы.

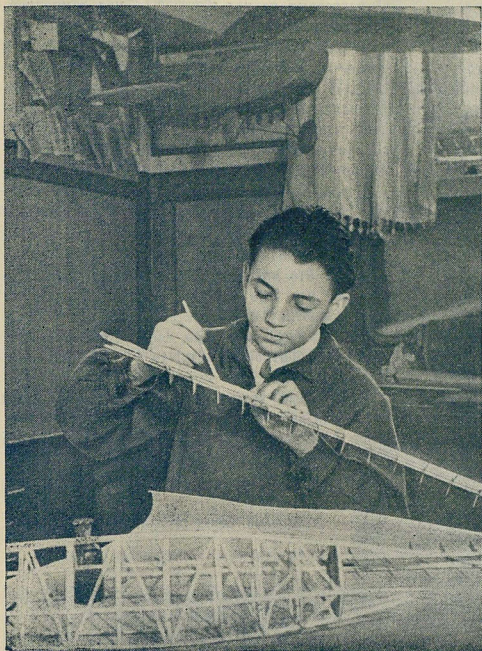
— Верно,— рассказывал он,— задумали мы целый сад тут вырастить. Всем делом Семка управляет,— его вы уже знаете. У нас в школе кружок мичуринцев действует. Народ дружный подобрался. А товарищ Огнев — душа-человек. Он сказал: вы на большом перекрёстке стоите, на путях к стройке великой. По реке тоже грузы идут. Это он по телефону, конечно, сказал. А так... так мы его ещё ни разу не видели. Интересно, какой он, а?

...Был уже тёмный весенний вечер. Машина легко бежала по новому шоссе, приближаясь к переправе. В сумерках виднелись два огонька: белый — на пароме, красный — у сторожки, на берегу.

— Огоньки,— улыбнулся, шофёр. Мы посмотрели друг на друга. И мне почему-то вспомнились многие люди, которых я встречал в этих степных, раздольных просторах — на дальних подступах к великой стройке. Сколько хороших людей!

А огоньки, приближаясь, мигали и мигали. Будто приветствовали нас...

Воздушные корабли

Больше всего я люблю строить модели самолётов и планёров. Заинтересовался этим я позапрошлым летом, в пионерском лагере, когда впервые увидел соревнование авиамоделей.

Вышел один мальчик с большой моделью планёра в поднятой руке. Планёр скользнул на своих белых крыльях и стал подниматься всё выше и выше. Наконец он оказался выше деревьев и, как птица, стал плавно кружиться над лесом.

Я никогда не думал, что модель может так долго держаться в воздухе. Вместе с другими ребятами я бежал за планёром, пока он наконец не опустился на землю.

Меня очень интересовало, почему же он ле-

тает. Хоть он и лёгкий, хоть он из очень тонких лучинок и папиросной бумаги, а всё же тяжелее воздуха. Да ещё и клей тоже имеет вес... Так почему же планёр не падает, а летит?

Мне очень захотелось самому сделать такой планёр.

Как только я вернулся в город, я, не откладывая, пошёл в Дом пионеров Москворецкого района, чтобы записаться в авиамоделный кружок.

Вошёл в мастерскую авиамоделистов, и у меня глаза разбежались: стою и не знаю, на что смотреть, — столько тут разных моделей! Одни модели были совсем маленькие, с прозрачными, как у стрекозы, крыльями; другие — большие и похожие на настоящий самолёт; у некоторых вместо корпуса, который, как я потом узнал, называется фюзеляжем, была просто палочка. Были здесь планёры и самолёты с резиновыми моторчиками. Но больше всего мне понравилась огромная фюзеляжная модель самолёта с бензиновым моторчиком, с большими синими крыльями.

Мне захотелось поскорее построить такую модель.

Но на первом же занятии руководитель кружка сказал:

— Прежде чем строить фюзеляжные модели, нужно многому научиться и многое узнать. Начнём с самого простого — с бумажных моделей.

Я ужасно огорчился. Ну к чему эти бумажные модели? Чему можно научиться, делая какие-то пустяковые игрушки?

Но оказалось, что бумажные модели не такой уж пустяк и строить их не очень-то просто. Это сразу стало видно, как только дошло до дела... Бумажная модель состоит из тех же основных частей, что и настоящий самолёт или планёр. И действуют эти части так же. Повернёшь руль направления у бумажной модели, и, вместо того чтобы лететь по прямой, она начинает делать плавные повороты — виражи; а подними у неё вверх руль высоты, и модель сделает мёртвую петлю.

Наконец настал день, когда я уже смог начать постройку схематической модели. Правда, из настоящих моделей схематическая — это самая простая, но без чертежей и её не построишь.

Руководитель сказал мне, каким должен быть вес модели, каков размах её крыльев. А ширину крыльев, размеры хвостового оперения и всё остальное нужно было рассчитать мне самому. Я знал, что площадь крыльев и хвостового оперения должна быть такой, чтобы на каждый квадратный сантиметр приходилось не меньше пяти граммов веса модели. Рассчитал всё точно и начал делать эскизный проект своего планёра. На листе бумаги начертил будущую модель в одну десятую натуральной величины, в трёх видах: сверху, спереди и сбоку. Эскизный проект создаётся для того, чтобы ясно себе представить, как будет выглядеть готовая модель. А строит модель по рабочим чертежам, которые делаются в натуральную величину и для каждой детали отдельно.

И вот, наконец, я начал строить.

Труднее всего было сделать крыло. У схематической модели оно состоит из двух основных реек — лонжеронов, тринадцати переключинок между ними — нервюры — и двух полукруглых планок на концах крыла — законцовок. Законцовка делается из тонкой бамбуковой лунки. Бамбук — дерево упругое. Согнуть бамбуковую лунку легко, но только её отпустить, она сейчас же выпрямится. Чтобы этого не случилось, нужно сгибать плашку, всё время подогревая её. Взял я планку, стал её сгибать, осторожно подогревая над электрической плиткой, да поторопился. Уже законцовка совсем почти по чертежу получилась, как вдруг послышался лёгкий треск: лопнул верхний, глянцевый слой бамбука. Пришлось начинать сначала.

Много пришлось повозиться и с винтом.

Но вот всё готово. Собрал я свой планёр и вышел в парк возле Дома пионеров. Сказать по правде, я очень волновался. Забравшись повыше, я лёгким толчком пустил планёр. Он круто пошёл вниз.

«Так и есть — ничего не получилось», — подумал я, но тут же заметил, что крыло слишком выдвинуто вперёд; отрегулировал его и снова запустил планёр. На этот раз модель плавно полетела по парку. Села она в большую лужу. Хотя модель была безнадежно испорчена, меня это даже не очень огорчило. Важно, что мой планёр хорошо летел. А вместо этой модели я сумею построить новую, ещё лучшую.

И на следующий же день я принялся за второй планёр. До начала каникул он был готов. Летом я поехал в лагерь и там построил ещё два планёра. Они летали хорошо, но мне уже хотелось сделать модель посложнее схематического планёра.

Осенью, после каникул, в кружке Дома пионеров я начал строить комнатные модели. Рабо-

та над ними очень тонкая и кропотливая. Такая модель весит не больше трёх — четырёх граммов. Крылья и хвостовое оперение её делаются из соломы. Чтобы согнуть соломинку по чертежу, её нагревают не над плиткой, а над лампочкой. И обтаиваются комнатные модели даже не папиросной бумагой — она слишком тяжела для них, — а особой плёнкой, которую мы делали сами. В сто граммов авиационного лака-эмалита добавляли три капли касторового масла. Капнешь этой смеси на воду, и на воде застывает тонкая плёнка с разноцветным отливом, как у мыльного пузыря.

Красивые получались модели: легкие, похожие на больших стрекоз с радужными крыльями.

Сейчас я начал строить фюзеляжную модель планёра. Это моя первая фюзеляжная модель, но я верю, что мне удастся неплохо сделать её. Я уже многому научился. А работа над комнатными моделями приучила меня к большой точности, аккуратности, которые так нужны авиамоделисту.

Мой новый воздушный корабль будет похож на те модели, которые мне так понравились, когда я первый раз пришёл в авиамodelную мастерскую нашего Дома пионеров.

Женя Мосяков
Москва, 554-я школа, 7-й класс «В».

Лёгкий толчок, и модель быстро набирает высоту.

ТАМ, ГДЕ ДЕЛАЮТ КНИГИ

А. Дорохов

Случалось ли вам, ребята, готовить какой-нибудь альбом? Ну, скажем, о летних походах?

Тогда вы, конечно, помните, сколько времени и труда пришлось потратить целому звену, чтобы составить всего-навсего один альбом в два десятка страниц. И всё-таки ваша работа, наверное, получилась далеко не такой нарядной, красивой и аккуратной, как любая из тех сотен детских книжек, которые красуются на прилавках магазинов.

Одна книжка здесь привлекательней другой. Как трудно иной раз решить, которую выбрать! А продавцы приносят со склада всё новые и новые пачки.

Вот «Сказки» Пушкина, вот новые стихи Маршак, а вот заветная мечта каждого школьника — большое иллюстрированное издание «Мёртвых душ» Гоголя...

Где же делают такое множество красивых книг?

Ответ вы найдёте на последней странице книги. Там обычно напечатано: «Фабрика детской книги Детгиза».

Так называется большая московская типография, которая выпускает книжки для детей.

Пройдёмся же по цехам этой фабрики и посмотрим, как делают книжки.

Книги готовы к выпуску, контролёр проверяет их.

БУКВЫ ТОРОПЯТСЯ ПО МЕСТАМ

На фабрику детской книги поступила рукопись повести Валентина Катаева «За власть Советов». Повесть напечатана на пишущей машинке.

Чтобы отпечатать рукопись, а это восемьсот с лишним страниц, машинистка работала с утра до вечера больше двух недель. А фабрика детской книги должна выпустить за этот срок ту же повесть в сотнях тысяч экземпляров.

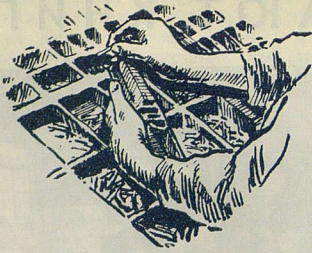
Как же справиться с такой задачей?

Прежде всего весь текст повести надо набрать металлическими буквами. Раньше это делалось вручную. Наборщик стоял перед плоским ящиком, «кассой», где по отделениям были разло-

жены все буквы. Он брал одну за другой маленькие свинцовые буквы, составлял из них слова, а из слов строчки. Прикладывая строчку к строчке, наборщик постепенно получал небольшую колонку текста.

Дело шло довольно медленно. Каждую крохотную свинцовую буквочку надо повернуть головкой вверх, поставить правильно рядом с соседней да ещё втиснуть между отдельными словами несколько металлических пластинок, чтобы получились промежутки. А после того как книгу напечатают, надо снова разложить все буквы обратно по своим местам. А они такие маленькие, что сразу и не разглядеть, «н» это или «и».

До революции, когда книги в России издавали очень небольшими тиражами, их набирали руками. Иное дело теперь. В Советском Союзе

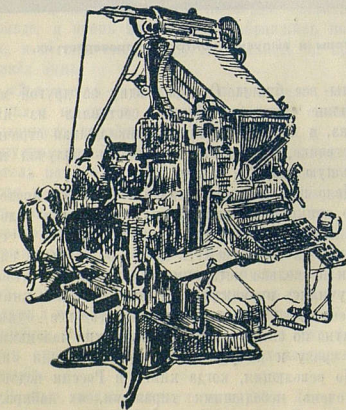
Ручной набор.

книг для ребят печатают так много, что без машин не управиться. Ведь только в Москве каждый день выходит новая детская книжка, а то и две.

Теперь книги набирают при помощи сложных машин, которые называются линотипам. Они работают в пять — шесть раз быстрее, чем наборщик.

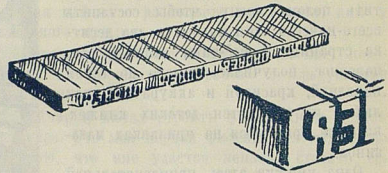
С виду линотип похож на обыкновенную пишущую машинку, вставленную в большой металлический шкаф со множеством различных колёсиков, рычагов и пружинок. Сбоку приделана электрическая плита. Она всё время подогревает котёл с расплавленным металлом.

Все вы видели, конечно, как печатают на пишущей машинке. Так же работает и наборщик на линотине. Заглядывая в рукопись, он нажимает пальцами клавиши, на которых изображены отдельные буквы. Всё остальное машина делает сама.

Линотип.

Вот наборщик начал набирать первое слово повести: «Это». Он ударяет по очереди клавиши «Э», «т», «о». С каждым ударом из маленьких ящичков, расположенных наверху, выпадают металлические формочки букв, изображённых на клавишах. Они стремительно мчатся по желобкам вниз и занимают свои места в строчке. Наборщик набирает второе слово, «была», третье, «их».

Отлитая на линотине строка.

Наконец строка из формочек готова. Наборщик нажимает рычаг. Строка придвигается к котлу с расплавленным металлом, и в формочки льётся жидкий металл. Он быстро застывает, и получается строка из тех букв, которые нажимал наборщик:

«Это была их давняя, заветная мечта — отправиться вдвоём».

Стальная «лапка» осторожно вынимает ещё тёплую строчку и бросает её на подносик. А наборщик уже набирает вторую строчку повести: **«путешествовать. Да, именно вдвоём: без мамы, без девочек».**

Так постепенно растёт колонка металлических строк, отлитых машиной.

Теперь надо разложить использованные формочки снова по местам. Это машина тоже делает сама. Откуда-то сзади появляется длинная железная «рука». Она забирает пустые формочки, уносит их наверх и подвешивает к рельсу, проходящему по верху машины. Формочки скользят одна за другой по рельсу вдоль длинного ящика с множеством отделений. Каждая формочка так устроена, что может упасть только в то отделение, в котором ей полагается лежать. Пробегая мимо своего отделения, формочка отцепляется от рельса и падает на своё место. Там она лежит, пока наборщик снова не нажмёт клавишу с её изображением.

В наборном цехе Фабрики детской книги стоят целые ряды линотипов. На одном из них наборщик начал набирать первую главу повести, на втором другой наборщик — вторую главу, на третьем — третью. Глядишь, через несколько дней толстая рукопись будет набрана целиком.

КАРТИНКА ИЗ ТОЧЕК

Итак, страницы металлических букв готовы. Теперь достаточно намазать их краской и прижать к ним чистые листы бумаги, чтобы получить сколько угодно совершенно одинаковых отпечатков.

А как же быть с картинками?

Художник их уже нарисовал, они получены на фабрике вместе с рукописью. Вот Петя с отцом садятся в самолёт. Вот по морю плывёт лодка... Но как же перенести в книгу отпечатки с каждой нарисованной художником картинке?

Вы, конечно, видели не раз, как ставят на документах печать. Печать обычно вырезана на резине или на меди. Рисунок на ней изображён выпуклыми линиями. Когда печать прижимают к пропитанной краской подушечке, краска пристаёт к этим линиям, а когда печать прижимают затем к бумаге, краска переходит на бумагу. На документе остаётся оттиск вырезанного на печати изображения.

Но ведь рисунок художника совсем гладкий. Никакого оттиска с него не получишь. Как же сделать этот рисунок рельефным?

Для этого на фабрике книг существует другой цех. Называется он цинкографией.

В цинкографии стоят большие фотографические аппараты. Рисунок художника снимают на стеклянную пластинку. Получается такой же негатив, с каких все фотографы печатают на светочувствительной бумаге свои снимки.

Но в цинкографии с негатива делают всего один отпечаток. И не на бумаге, а на гладко отшлифованной цинковой пластинке, покрытой тонким слоем светочувствительной эмали. На пластинке появляется точная копия рисунка.

Но этот отпечаток всё же отличается от фотографического. В цинкографии рисунок снимают через прозрачное стекло, на которое нанесена очень мелкая сетка. Каждое отверстие этой сетки пропускает очень небольшой луч света. Поэтому отпечатки с рисунков на цинке получились особенными. И самолёт, и Петя, и петин папа состоят теперь из бесчисленного количества отдельных точек. Точки эти так малы, что невооружённым глазом их и не разглядишь; их можно увидеть только в лупу.

Там, где на рисунке было светлое место, точки получились совсем маленькие и цинк остался почти чистым. А там, где на рисунке были тёмные пятна, точки на цинке очень большие и они почти сливаются.

Для чего же было превращать рисунок художника в картинку из точек? А вот для чего.

Цинковую пластинку с отпечатком рисунка заливают раствором азотной кислоты. Кислота выедаёт цинк между точками, а точки, покрытые

эмалью, остаются нетронутыми, так как эта эмаль кислотоупорна. Таким образом, вместо гладкого рисунка художника на цинке получился такой же точно рисунок, но уже не гладкий, а рельефный, состоящий из выпуклых точек. Теперь достаточно смазать его краской, прижать к чистой бумаге, и на бумаге оттиснется картинка, как две капли воды похожая на рисунок художника.

Цинковые пластинки, с которых печатают рисунки, называются клише. Их набивают на деревянные колодки и вставляют в набранный текст там, где в книге должны быть рисунки.

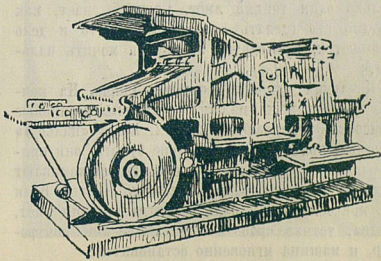
ТРИДЦАТЬ ДВЕ СТРАНИЦЫ ЗА ТРИ СЕКУНДЫ

Самый большой цех в типографии печатный. Здесь стоят машины, которые называются так же, как наш журнал, «Пионер». Эти машины могут напечатать с одного металлического набора до семидесяти тысяч экземпляров книги.

Печатные машины не менее самостоятельны, чем наборные. Они сами справляются со многими операциями. Но за ними нужно заботливо ухаживать. Мастер тщательно чистит, смазывает, регулирует свою машину и пускает её в ход. А затем внимательно следит, чтобы не кончилась краска, чтобы вдоволь было бумаги, чтобы машина печатала чётко и чисто, во-время убиралась отпечатанные листы.

Впрочем, вы ещё не знаете, что такое типографский лист. Дело в том, что если печатать всю книжку отдельными страничками, дело шло бы слишком медленно. Да и очень трудно было бы сшивать целую книжку из множества маленьких страничек.

Поэтому книги печатают на очень больших листах бумаги. На таком листе умещается сразу восемь, шестнадцать, а то и тридцать две странички, в зависимости от формата книги. Этот большой лист бумаги и называется типограф-

Печатная машина «Пионер».

ским. Вот печатному мастеру принесли набор первых тридцати двух страниц повести «За власть Советов». Мастер расставил страницы в строгом порядке на нижней площадке машины и плотно закрепил их там зажимами. На верхней площадке уже приготовлена высокая стопка чистых бумажных листов.

Мастер проверяет ещё раз, достаточно ли в машине краски, и включает рубильник. Раздаётся лёгкий гул. Машина начинает работать.

Двинулась с места и плавно покатилась на роликах вдоль машины нижняя площадка со страницами шрифта. Одновременно начали вращаться резиновые валики, растирая и передавая один другому густую, жирную краску. И в тот момент, когда шрифт оказался под ними, блестящие от краски валики опустились, прокатились по всему шрифту и покрыли буквы тонким слоем краски.

А наверху тем временем тонкие металлические «пальцы» машины осторожно захватили чистый лист бумаги и быстро передали его на барабан в противоположном конце машины. Когда же внизу появились намазанные краской страницы металлических букв, барабан повернулся, и лист оказался крепко прижатым к шрифту. На бумаге остался отпечаток текста. А затем другие стальные «пальцы» подхватили напечатанный лист, вынесли его из машины и аккуратно положили в стопку готовых листов.

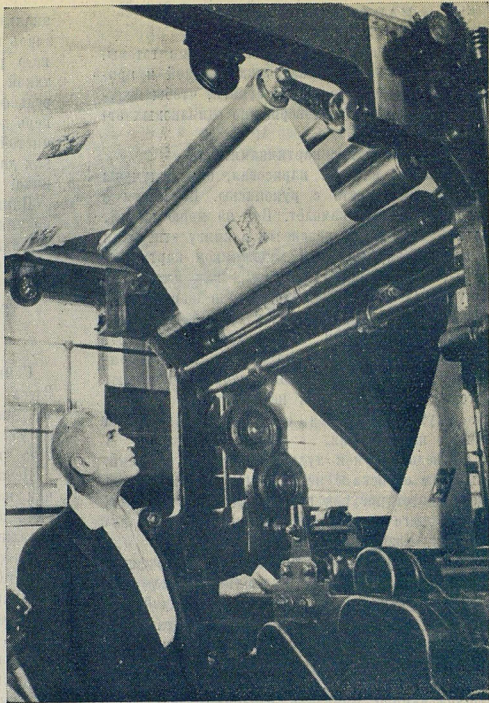
Тридцать две страницы повести были отпечатаны.

Это произошло намного быстрее, чем вы об этом прочли. Машине понадобилось для этого меньше трёх секунд.

Очень любопытно наблюдать, как ловко берёт печатная машина из большой стопы бумаги только один тонкий лист. Каждый знает, как трудно это сделать руками. Листы то и дело сплюпаются, приходится всё время мочить пальцы.

Печатная машина поступает иначе. На концах её стальных «пальцев» устроены резиновые присоски, втягивающие воздух. Когда «пальцы» машины приближаются к стопе бумаги, они присасывают верхний лист, а с боков выскакивают зажимы и удерживают остальные листы. Если же присоски как-нибудь захватят не один лист, а два, тотчас сработает механический контролёр, и машина мгновенно остановится.

«Контролёр» устроен просто, но работает

Мастер наблюдает за работой ротационной машины.

очень точно. По пути к набору каждый лист бумаги проходит под колёсиком, установленным на определённой высоте. Один лист проходит свободно. Но как только машина поднесёт два листа сразу, колёсико будет вынуждено чуть-чуть приподняться. И этого неумовного на глаз толчка достаточно, чтобы выключить электрический ток, который приводит машину в движение.

Наконец первый лист новой книги отпечатан. Теперь надо сложить его так, чтобы получилась тетрадка размером в одну страницу. Это делает машина, которая называется фальцовочной.

На площадку фальцовочной машины кладут кипы отпечатанных листов. Она захватывает по одному листу, сгибает пополам, потом поворачивает и ещё раз сгибает пополам. Рядом с машиной быстро растёт стопка тоненьких тетрадок. Это лежат перед нами тысячи экземпляров первого листа повести «За власть Советов».

Тем, кто внимательно читает этот очерк, наверно, уже пришёл в голову вопрос: а откуда же появятся в новой книжке цветные картинки и обложки? Ведь валик печатной машины покрывает одной и той же краской все выпуклые места клише, и, значит, весь рисунок целиком должен получиться одного цвета.

Неужели же цветные картинки для каждого экземпляра повести придётся раскрашивать кисточкой, от руки?

Нет, для этого существуют особые машины. На этих машинах можно печатать любое количество разноцветных картинок.

Конечно, одним клише на всю картинку здесь не обойтись. Для каждой краски приходится делать своё отдельное клише и печатать одну картинку в несколько приёмов.

Для этого нарисованную художником картинку снимают не только через сетку, но и через особые стёкла — светофильтры. Каждый светофильтр задерживает лучи какого-нибудь одного цвета. Пользуясь разными светофильтрами, с одной картинки получают четыре различных негатива: на одном остались чистыми все жёлтые места изображения, на другом — все красные места, на третьем — синие, на четвертом — серые.

Это даёт возможность приготовить и четыре разных клише: с одного можно печатать те места картинки, которые должны получиться жёлтыми, с другого — красные, с третьего — синие, с четвертого — серые. Когда все краски будут напечатаны, получится такой же рисунок, как и нарисованный художником.

Четырёх клише вполне достаточно для любой, самой пёстрой картинки. Ведь стоит наложить на жёлтую краску синюю — и получишь зелёный цвет. Красная краска, смешавшись с синей, даст чёрную. Таким образом, из четырёх основных красок можно составить все остальные цвета и оттенки.

Печатать цветную картинку приходится тоже четыре раза, по очереди с каждого клише.

В первом отделении машины печатаются только жёлтые части картинки и те места, где на жёлтую краску должна лечь ещё синяя, красная или серая. Затем отпечатанные жёлтой краской листы попадают во второе отделение, где печатаются красные места картинки. В третьем отделении валики смазаны синей краской, в четвертом — серой.

Так постепенно появляется красивая разноцветная картинка. И сколько тысяч таких картинок машина ни напечатает, все они получатся совершенно одинаковыми.

Части будущей книжки побывали уже в четырёх цехах, но работа над ней ещё не кончена. Вот лежат большие стопы сфальцованных в тетрадки, отпечатанных листов, вот стойки обложек. Теперь надо соединить всё это вместе.

На каждом заводе последний цех — сборочный. На его конвейере собирают готовые изделия из сделанных в других цехах деталей.

На фабрике книг последний цех — переплётно-брошюровочный. Здесь из листов и обложек собирают готовые книги.

Рабочим переплётного цеха тоже помогают различные машины.

Одна машина подбирает вместе тридцать шесть листов, из которых составится вся повесть «За власть Советов». Эта машина так и называется — листоподборочная. Она аккуратно прикладывает к первому листу второй, ко второму — третий, и так до последнего. Машина эта замечательна тем, что сама признаётся в своих ошибках. Стоит ей случайно пропустить лист, как она тотчас останавливается и выбрасывает флажок с номером пропущенного листа.

Брошировка книг.

В переплётном цехе Фабрики детской книги Детгиза.

Другая машина называется ниткошвейной. Она подхватывает стопки подобранных листов и в одно мгновение накрепко пришивает их ниткой к кусочку марли. Теперь листы уже не рассыплются.

Третья машина — резательная. Она прижимает шитые листы тяжёлой чугунной доской и одним движением острого стального ножа обрезаёт их края с каждой из трёх сторон. После этого книгу можно уже перелистывать.

Чвёртая машина готовит переплёт. Она отгискивает на цветном картоне краской или золотом название книги — «За власть Советов», имя и фамилию её автора — Валентин Катаев.

И вот наступает последняя операция. За длинным столом сидят работницы. Возле каждой приготовлена стопка переплётёв. Лента конвейера несёт вдоль стола шитые и обрезанные с трёх сторон листы книги. Корешки и переплётёвы уже заранее намазаны клеем.

Работница берёт с конвейера шитую пачку листов, ловко вставляет её в переплёт и пригла-

живает. Книжка готова. Теперь осталось лишь положить её вместе с другими под пресс и подождать, пока высохнет клей. А затем грузовики повезут плотно упакованные пачки на склады и вокзалы.

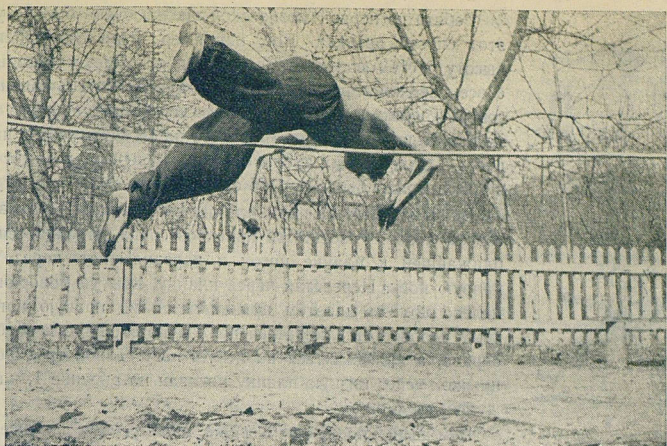
Вы придёте в магазин и увидите на прилавке новую книгу — повесть Валентина Катаева «За власть Советов». Покупая эту книгу, подумайте, сколько людей трудилось, чтобы напечатать её для вас!..

* * *

Каждый день московская Фабрика детской книги Детгиза выпускает около двухсот тысяч экземпляров различных книг. Этих книг хватило бы по одной всем ребятам большого областного города.

Но скоро фабрика будет выпускать втрое больше книг, чем сейчас. По новому пятилетнему плану решено расширить все её цехи и прибавить ещё много новых машин. Так заботится о самых юных читателях наша великая страна.

ВЫШЕ СВОЕГО РОСТА

Посмотрите на эти два снимка. Большинство из вас прыгает в высоту так, как показано на нижнем снимке. Это прыжок «перешагиванием».

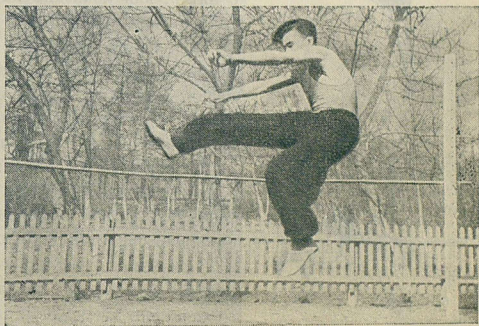
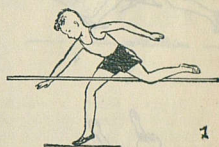
Сравните этот снимок с верхним. Там показан совсем другой способ прыжка, «перекидной».

На обоих снимках взят один и тот же момент прыжка: прыгун находится над планкой. Но как различны его положения!

При «перешагивании», чтобы перенести через планку ноги, прыгуну приходится поднимать над ней очень высоко голову и тело.

А в «перекидном» прыжке тело и ноги прыгуна идут низко, над самой планкой. Именно поэтому «перекидной» прыжок даёт наилучшие результаты: он позволяет прыгать намного (на 20—25 сантиметров) выше своего роста.

Техника «перекидного» прыжка сложнее, чем в «перешагивании». Но вам, ребята, овладеть этим способом гораздо легче, чем взрослым.

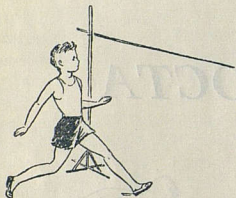

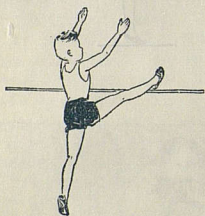
2

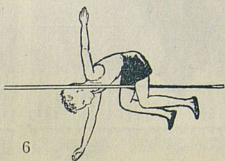
3

4

5

6

Ребята из первой московской школы очень быстро усвоили этот способ прыжка. Вот, например, Юра Золотарёв берёт высоту в 160 сантиметров. А Серёжа Бреус, который ещё совсем недавно прыгал «перешагиванием» на 135 сантиметров, теперь «перекидным» способом легко перелетает через планку, поднятую на 154 сантиметра, всего на 14 сантиметров ниже его роста. После летних тренировок он, наверное, возьмёт высоту в 160, а может быть, и в 165 сантиметров.

Вначале Серёжа прыгал через планку, установленную совсем низко. Разбежится наискось слева, оттолкнётся левой, ближайшей к планке ногой и перекидывает через планку правую ногу. Перелегая через планку, прыгун поворачивается налево кругом и затем приземляется на правую ногу. Тем, кому удобнее отталкиваться правой ногой, надо и разбежаться справа, а приземляться на левую ногу. Такой тренировочный прыжок через низкую планку показан на рисунке 1, на предыдущей странице.

Чем выше поднимал Серёжа планку, тем длиннее пришлось делать разбег. Но тут оказалось, что при длинном разбеге трудно точно определить место отталкивания. Последний шаг приходился то слишком далеко, то слишком близко от планки, и высокого прыжка не получалось. Тогда тренер разложил на земле на расстоянии шага друг от друга верёвочные кружки. Серёжа должен был бежать так, чтобы обязательно попасть ногой в кружки. Только последние два шага разбега Серёжа делал не по кружкам, а так, как ему было удобнее. Кружки помогли Серёже рассчитывать свои шаги при разбеге, определять, с какого места он должен начинать разбег и где отталкиваться. Теперь Серёжа самостоятельно рассчитывает разбег и всегда отталкивается в 60—70 сантиметрах от планки.

Рисунок второй показывает начало разбега. Прыгун бежит легко на носках, всё время ускоряя бег. А два последних перед толчком шага он делает совсем иначе: ставит ногу с пятки, как показано на третьем рисунке, и бежит, как бы крадучись, сильно сгибая ногу в колене.

Положение прыгуна перед толчком дано на четвёртом рисунке. Посмотрите, как сильно отклонено тело прыгуна назад. Благодаря этому он прыгает круто вверх.

На пятом рисунке показан момент отталкивания. Чем энергичнее взмах ногой, тем выше взлетит тело прыгуна.

Посмотрите на шестой рисунок. Прыгун уже взлетел над землёй, он как бы сидит верхом на планке и переваливает через неё. В это мгновение он напоминает всадника, который наклоняется, чтобы что-то поднять с земли.

Затем прыгун быстрым движением разгибает левую ногу, как бы брыкая ею назад, и валится всем телом в сторону. Этот момент вы видели на первой фотографии. Плечи прыгуна

должны быть наклонены возможно ниже, тогда он не заденет планку бедром.

На седьмом, восьмом и девятом рисунках даны тренировочные упражнения. Попробуйте сами проделать их.

Сев верхом на гимнастического коня, наклоняйтесь возможно ниже и, быстро выпрямляя правую ногу, валитесь в сторону.

Почитесь прыгать в «окошко» (рисунок восьмой). Это поможет вам выработать правильное положение ноги над планкой. Проносить её надо низко, иначе собьёте животом планку.

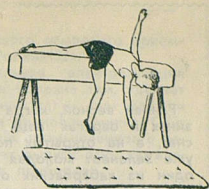
В третьем упражнении нужно, прыгая через планку, достать рукой волейбольный мяч, который держит почти у самой земли кто-нибудь из товарищей.

Момент приземления после прыжка вы видите на фотографии внизу. Приземлившись на левую ногу, как можно ближе к планке, прыгун в следующее мгновение падает на руки и левый бок. Если прыжок сделан правильно, то устоять на ногах невозможно.

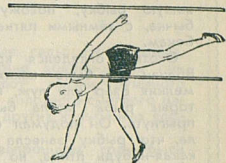
Поэтому, прежде чем приступать к прыжкам, сделайте хорошие прыжковые ямы, наполненные смесью песка и опилок, и почаще их рыхлите.

Не думайте, ребята, что научиться прыгать «перекидным» способом можно в два—три дня, не огорчайтесь, если прыжки не сразу будут получаться у вас. Только после пяти—семи тренировок вы сможете добиться первых успехов. Если летом вы будете тренироваться в прыжке два—три раза в неделю, я уверен, что к осени сумеете прыгнуть на четверть метра выше, чем прыгали весной.

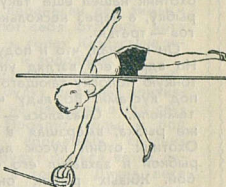
М. А. Черевков

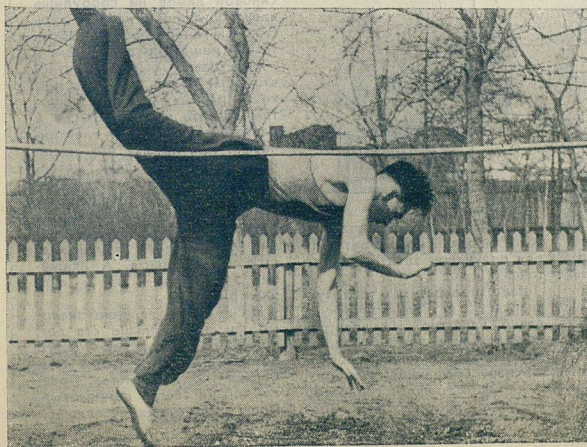
7

8

9

Головешка - ротан

Ранней весной, когда в низинах и оврагах ещё лежит снег, а на открытых полянах уже зеленеет молодая трава, один из хабаровских охотников пробрался к озеру, где должны были находиться утки. И вдруг он увидел на земле, у своих ног, маленькую живую рыбку, похожую на бычка, с тёмными пятнами по бокам.

Охотник огляделся кругом. Вблизи не было каких-либо мелких озёр или луж, из которых рыба могла бы выпрыгнуть. Он подумал сначала, что рыбку занесла сюда какая-нибудь птица, но почему же она её бросила? Внимательно осмотрев местность, охотник нашёл ещё такую же рыбку, а через несколько шагов — третью.

Он не знал, что и подумать. Но вдруг его взгляд упал на тонкую полоску тающего льда под кустами. Во льду что-то темнело. Оказалось — такая же рыбка, вмёрзшая в лёд. Охотник отбил кусок льда с рыбой и захватил его с собой. Живых рыбок он выпустил в озеро.

В ближнем селе, у знакомого рыбака, он положил кусок льда в ведро с водой. Лёд растаял. Рыбка полежала некоторое время неподвижно, затем шевельнула плавниками и хвостом, начала дышать. Скоро она совсем ожила и стала плавать в воде.

— Что за диво, у вас здесь рыба по траве ползает, во льду замерзает на всю зиму, а потом оживает, — сказал охотник рыбаку.

Тот, взглянув на диковинную рыбу, рассмеялся.

— Да это же головешка-ротан, самая выносливая рыба! Она, когда оттаивает, то оживает. Осенью, во время разлива, вода залила берега, а затем замёрзла, и ротаны оказались во льду. Теперь лёд растаял, вода испарилась

и в землю впиталась, вот рыбки и ползают по суше. Пока под ними трава сырая, до тех пор живыми будут... Одним словом — головешка, бо-лотная рыба.

Головешка-ротан водится в бассейне Амура и реках Приморья. Она принадлежит к подотряду бычков, к семейству элеотрисов и относится к широко распространённой тропической и субтропической группе. Головешка обитает в сильно заросших водоёмах, озёрах, болотах. Встречается она даже в придорожных канавах, наполненных водой. Она может переносить значительные изменения температуры. Если водоём пересыхает, то головешка-ротан закапывается в ил и впадает в спячку до нового прилива воды. Ротан может служить ярким примером выносливости и приспособляемости.

Эта любопытная рыба приносит немалую пользу, истребляя массу личинок комаров, передающих малярию и энцефалит.

В. Кирюшкин

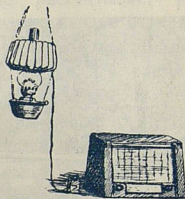
Электростанция на столе

Трудно найти в нашей огромной стране место, где не было бы радио. Оно приносит новости со всего света в самые отдалённые селения, в становища скотоводов и в палатки экспедиций, переходящих с места на место.

Везде, где есть электричество, есть и радио. А в тех селениях, куда ещё не подведены электрические провода, радиоприёмники питаются током от особых батарей. Батареи эти громоздки, тяжёлые, их надо довольно часто менять.

Недавно изобретён новый, удивительно простой источник электрического тока. Он состоит из... обыкновенной керосиновой лампы, на стекло которой надето совсем несложное приспособление.

Керосиновая лампа, ближайшая родственница керосинки, даёт не только свет, но

и тепло. Вот этим-то теплом и воспользовались изобретатели для получения электрического тока.

Как превратить тепловую энергию в электрическую, давно известно. На электростанциях при помощи тепла, полученного в топке, добывают пар, вращающий турбину. А турбина вращает генератор тока. Но, конечно, при керо-

синовой лампе не соорудить электростанции с котлом, турбиной и генератором. Изобретатели пошли другим путём.

Уже давно было известно, что если спаять две пластинки из разных металлов, а потом нагреть место спая, то в пластинках возникнет электрический ток, потому что, когда нагревается спай двух металлов, мельчайшие частицы — электроны — начинают двигаться из одного куска металла в другой примерно так же, как циркулирует вода в чайнике, стоящем на плите. А движение электронов — это и есть электрический ток!

Но хоть это явление знакомо физикам больше ста лет, применить его к делу долго не удавалось. Уж очень слабенький получается ток. Правда, ток не всегда одинаковый. При спайке одних металлов он

бывает слабее, при других — сильнее. Зависит ток и от нагрева. Чем сильнее нагрев, тем сильнее и ток. Усиливается он и тогда, когда при нагревании спая концы металлических пластинок охлаждаются.

Изобретатели учли все эти обстоятельства, а главное, подобрали «выгодную» пару металлов (их так и называют тер-

мопарами) и получили ток раз в десять сильнее, чем обычно. Но он всё ещё был раз в сто меньше, чем нужно приёмнику.

Тогда конструкторы соединили вместе несколько термопар и получили ток напряжением в 1—2 вольта, а мощностью в 3 ватта. Как раз такой ток и нужен для питания

небольшого лампового приёмника «Родина-52».

Настольная электростанция вдвойне полезна там, где нет электричества: и свет даёт и ток для радиоприёмника. Сейчас наша промышленность налаживает выпуск этих замечательных приборов.

Г. Николаев

Фруктовые леса

В горах Крыма или Кавказа на каждом шагу встречаются яблоны, а под ними золотистым ковром устилают землю опавшие спелые яблоки. Они лежат ровными кругами вокруг стволов, и эти круги резко выделяются на фоне побуревшей осенней травы. Когда глядишь на них, даже досадно становится: столько добра пропадает!

Вы подбираете беспризорные яблоки, набиваете ими карманы, шапку, но стоит надкусить одно из них, как всё становится ясным и, вытряхивая шапку, выворачивая карманы, вы водворяете свою добычу на прежнее место. У яблок горьковато-кислый терпкий вкус. Это дички, хотя по размерам они куда больше

китайки, а иногда равны некрупным яблокам сорта «коричное».

Их нельзя есть, и всё же это — богатство. Ведь сколько сил и времени тратят люди на выращивание из семян подвоя — молодых яблонек, чтобы привить на них черенки или глазки культурных сортов! А какое множество яблонь в горах! К тому же дикорастущие яблони наших гор не боятся ни морозов, ни холодных зимних ветров. Сама природа приготовила щедрый подарок советским садоводам.

Среди гор, поднимающихся к югу от Алма-Аты, столицы Казахстана, раскинулись целые леса диких яблонь. Алма-атинские лесоводы задумали превратить их в огромные высо-

когорные сады. На молодые, двухлетние яблони-дички они прививают глазки румяного апорта, золотисто-смулгого ранета и других культурных сортов.

В позапрошлом году были сделаны такие прививки на площади в сорок гектаров. Глазки принялись, молодые побеги перенесли две зимы и чувствуют себя отлично, хотя высоко в горах Казахстана зимы злые и холодные.

Нынешней весной диким яблоням будут сделаны прививки уже на площади в сто гектаров. Пройдут годы, и под грузом ароматных, сладких яблок будут гнуться ветви деревьев в горах. Дикие леса превратятся в сказочный сад.

Е. Рубцова

Фотография на стекле

Если вам удастся побывать в научно-исследовательской лаборатории Ленинградского завода художественного стекла, вам, наверно, бросятся в глаза голубоватые стеклянные вазы, на которых рубиновой краской нарисованы разнообразные пейзажи.

Особую прелесть изображению придаёт то, что оно находится не на поверхности, а внутри стекла, и, когда рассматриваешь его, кажется, что нерисованные предметы где-то далеко и вы рассматриваете их в сильный бинокль.

Как же удалось получить на стекле эти удивительные рисунки?

Оказывается, это фотографические снимки, отпечатанные на стекле под действием невидимых ультрафиолетовых лучей.

Если в обыкновенное стекло

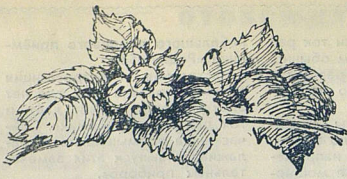
добавить немного закиси меди, оно станет светочувствительным. Стоит приложить к такому стеклу негатив и вместо обыкновенного света направить на него пучок ультрафиолетовых лучей, как в толще стекла получится такое же изображение, как и на обычной фотобумаге.

Изображение надо проявить, сделать его видимым для человеческого глаза. Для этого в обычной фотографии применяют химические проявители, а

снимок на стекле проявляют, нагревая стекло до определённой температуры. И тотчас же на том месте, которое облучалось ультрафиолетовыми лучами, появляется чёткое и ясное изображение, окрашенное в рубиновый цвет. Добавив в стекло химические соединения золота или серебра, можно изменить цвет изображения.

Фотография на стекле уже применяется при градуировании химической посуды и при изготовлении шкал различных измерительных приборов. Причём шкалы получаются очень точными и «вечными». Они находятся внутри стекла, не стираются и не тускнеют под влиянием различных химических составов, а изготовление их намного удешевляется.

Инженер А. Морозов

ПИОНЕРСКИЕ ОРЕХОВЫЕ РОЩИ

Однажды Иван Владимирович Мичурин привёл приехавших к нему пионеров к ореховому кусту, ветки которого поникли от обилия крупных орехов.

— Вы любите орехи, ребята? — спросил Иван Владимирович.

— Конечно, любим!

— Значит, любите? А кто из вас умеет их выращивать? — продолжал спрашивать Иван Владимирович.

Ребята чистосердечно признались, что они даже и не пробовали выращивать орехи.

— Жаль, — посетовал Иван Владимирович, — это дело по силам вам, ребята. Вот вырастите ореховые деревья или кустарники и будете срывать с веток готовые бутерброды с маслом.

Все ребята засмеялись.

— А вы не смейтесь, я ведь не шучу. В орехах много белков, жиров и других питательных веществ. Из орехов готовят ореховое молоко и сливки, делают вкусные пирожные, халву и конфеты... Среди вас есть кто-нибудь из Ивановской, Брянской или Тульской областей? — заинтересовался Иван Владимирович.

Такие ребята нашлись.

— У вас в лесах есть большие заросли лесных орехов — лещины. Если о них заботиться, ухаживать за ореховыми кустами, можно намного увеличить их урожай. Научитесь сами размножать эти ценные растения и насаждайте орешник в новых местах. Особенно хорошо сажать на склонах оврагов. Отгребите-ка землю от этого орехового куста, — попросил Иван Владимирович.

Ребята отгребли.

— Смотрите, как много корней расхо-

дится в разные стороны от куста. Они густой сеткой переплели почву, её даже сильный дождь не сможет размывать, а это особенно ценно для борьбы с разрастанием оврагов. Вот вы и разводили бы в оврагах пионерские ореховые рощи. Этим самым вы и овраги победите и большой урожай орехов вырастите. Великое спасибо вам все скажут.

— Иван Владимирович, почему в лесу орехи мелкие, а на этом кусте такие крупные?

— Этот культурный садовый сорт зовется фундуком. Раньше такие кусты с крупноплодными орехами росли только на юге. Я и скрестил крупноплодный фундук с нашей морозостойкой лещиной и получил этот орех. Он выносит наши суровые зимы и, как видите, даёт большой урожай.

— Иван Владимирович, а это что за дерево? — спросили ребята, увидев в мичуринском саду рослое деревце с большими красивыми листьями и круглыми плодами.

— А это маньчжурский орех, он совсем не боится морозов, и его тоже следует разводить в школьных питомниках. Но у этого ореха есть и недостатки: мелкое ядро и очень толстая скорлупа — её и молотком не сразу разобьёшь. Я скрещиваю маньчжурский орех с южным грецким орехом, у которого крупные плоды, заполненные вкусным ядром, а скорлупа тонкая. Таким скрещиванием и хорошим уходом я стараюсь переделать природу грецкого ореха, чтобы он мог расти и приносить плоды в более северных районах. Стремлюсь я сделать холодостойкими и сладкие каштаны. Уж очень они вкусные и сытные. Десяток крупных поджаренных каштанов — отличный завтрак. Честь и хвала будет тому из вас, кто сумеет в наших местах вырастить сладкие каштаны! Недавно я узнал, что в городе Сызрани опытные вырастили у себя в саду грецкие орехи и собрали первый урожай. Молодцы! Как будет хорошо, если и вы примете участие в работе по продвижению грецкого ореха и сладкого каштана в более северные районы!

Иван Владимирович на прощание одарил своих гостей чудесными плодами из своего сказочного сада. Ребята сказали ему: «Эти фрукты мы покажем родным и товарищам по школе, а семечки выберем, посеём и у себя будем выращивать такие же деревья, как ваши».

Иван Владимирович проводил гостей до самой калитки. Он просил ребят писать о своей работе, обещал прислать им семена и черенки своих лучших сортов.

— Всё, что вы видели в моём саду, я растил на радость всем людям и вам, ребята. Берегите и умножайте это богатство,— сказал им учёный на прощанье.

* * *

Прошли годы. Вскоре после окончания Отечественной войны я снова побывал в городе, где жил и работал И. В. Мичурин. В ореховой роще, пыливо осматривая кусты, сидел худощавый человек в серой шинели и ушанке. Подойдя ближе, я узнал ученика И. В. Мичурина Серафима Кузьмича Чапляева. Он совсем недавно вернулся из госпиталя, куда попал после тяжёлого ранения на фронте.

— Посмотрите, как разрослись эти мощные кусты ореха, созданные Иваном Владимировичем,— сказал Серафим Кузьмич,— они выдержали суровые морозы, и ни одна почка не обмёрзла на них. На ветках этого гибрида развивается очень много соплодий, похожих на звёздочку. Один орех расположен в центре, а пять — вокруг него лучами. И орехи-то какие крупные: по два с половиной сантиметра

в длину! Спелые, они легко освобождаются от зелёных обёрток. Скорлупка у них тонкая, светлая. Да и богатый урожай даёт этот сорт: с каждого куста до десяти килограммов.

Очень любил Серафим Кузьмич рассказывать о работе Мичурина, а вот о своей работе говорил мало. Он тоже создал несколько ценных сортов ореха. Самому лучшему его сорту Государственная комиссия присвоила наименование «орешник Чапляева».

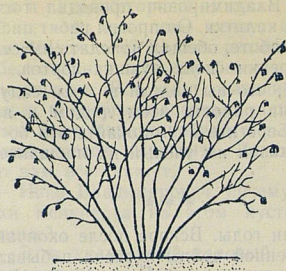
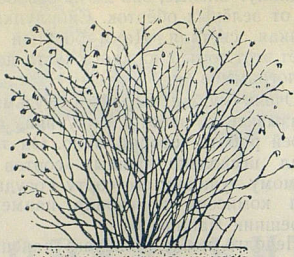
Недолго после тяжёлого ранения прожил Серафим Кузьмич Чапляев. Помните добрым словом, ребята, этого замечательного учёного, талантливого ученика Мичурина.

Сейчас лауреат Сталинской премии С. И. Горшков, Т. А. Горшкова и студенты института имени И. В. Мичурина продолжают трудную и кропотливую работу по улучшению и созданию новых сортов ореха. В этом году более трёхсот школ Советского Союза получило от них посылки с семенами мичуринских орехов. Юные мичуринцы распространяют эти орехи по своему родному краю.

Нужно наладить образцовый уход не только за ореховыми деревьями и кустарниками, растущими в садах, парках, но и за дикорастущими орехами.

Возле 29-й краснодарской школы уже растёт небольшая ореховая роща. Все пионеры этой школы дали обещание вырастить по пять ореховых деревьев. Они будут сажать их не только на пришкольном участке, но и вдоль улиц и возле своих домов.

Здесь показано, как нужно прореживать ореховый куст (рисунок справа). Если вы до того, как распустятся почки, проредите куст, взрыхлите землю вокруг него и дополнительно искусственно опылите цветы орешника, вы соберёте богатый урожай орехов.

Для новых посевов нужно собрать как можно больше самых лучших орехов. Пионеры и школьники Краснодарского края взялись помогать взрослым в этом важном деле. Пионерские дружины 16-й и многих других школ Краснодара и кубанских станиц уже создали свои питомники и разводят грецкие орехи, пекан, фундук. Юные кубанцы с увлечением выращивают ореховые саженцы для озеленения улиц, дорог, каналов, оврагов и водоёмов.

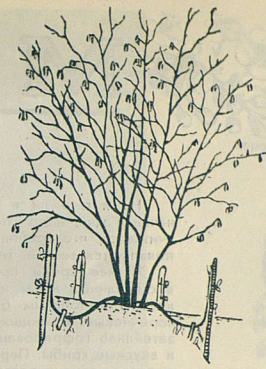
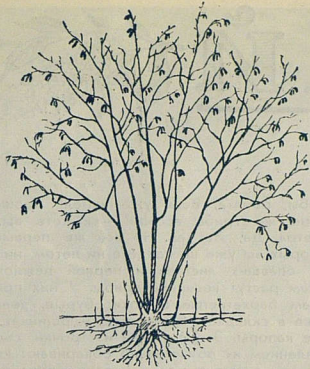
В южных районах Казахстана пионеры размножают новый, ценнейший сорт

грецкого ореха «идеал», который уже в второй год своей жизни даёт урожай. Оказывается, орех «идеал» отлично растёт и в комнатных условиях. На севере его можно культивировать прямо на окнах, в ящиках. Аромат листьев грецкого ореха очень приятен, а вот комары и мухи его не любят. Поэтому грецкий орех хорошо сажать возле жилищ.

Пионеры детского дома «Молодой рабочий», Пушкинского района, Московской области, получили в подарок холодостойкие грецкие орехи нового сорта, созданного лауреатом Сталинской премии профес-

Этому грецкому ореху пять лет. На Краснодарской краевой станции юннатов много таких деревьев, выращенных ребятами. На станции есть и питомник, где ребята высевают семена грецкого ореха и фундука. Весной юннаты передают школам подростские саженцы орехов.

Посмотрите, как много отпрысков выросло от боковых корней орешника. Их может быть ещё больше, если вы окучите куст рыхлой почвой или перегноем. На правом рисунке показано размножение орешника отводками. Выкопав вокруг куста канавку, пригните в неё боковые побеги, пришпильте их и засыпьте землёй. Срежьте концы побегов, привязанных к колышкам, с тремя—пятью почками. В месте сгиба, поближе к кусту, перевяжите побеги мягкой проволокой. Когда отводки окоренятся, отделите их от старого куста, пересадите и ухаживайте за ними как можно лучше.

сором А. С. Яблоковым. Эти орехи хорошо растут в Московской области и уже дают большой урожай. Их заботливо выращивают и размножают воспитанники детского дома.

В Захарьинской семилетней школе, Ивановского района, Ивановской области, уже пятнадцать лет окультуривают дикорастущую лещину. Ребята рыхлят землю вокруг кустов, весной проводят дополнительное искусственное опыление цветущих серёжек. Лучшие кусты ребята пересадили на свой школьный участок. В результате хорошего ухода на школьном участке урожай орехов увеличился, орехи стали родиться более крупные и вкусные. Почему бы и вам, ребята, не последовать хорошему примеру захарьинских ребят?

Не только сельские, но и городские пионеры могут взять шефство над дикорастущим орешником. В пионерском лагере вы можете заняться разведением орехов.

Раньше молодые деревья и кустарники пересаживались только весной. Совсем недавно научный сотрудник Алма-атинского сельскохозяйственного института Т. Н. Моисеев на основе учения о клетке О. Б. Лепешинской доказал, что можно

сажать деревья и кустарники даже в самые жаркие летние месяцы. Мелко изрубленные однолетние побеги и листья дуба он толоч в ступе, пока не получилась кашеобразная масса. На каждые сто граммов этой массы он наливал пол-литра воды и хорошо взбалтывал её. В полученной смеси много разрушенных клеток, живой протоплазмы и расплывчатых ядерных веществ.

Укоротив у саженцев дуба наполовину все листья, Т. Н. Моисеев на сутки погружал корни саженцев в раствор пасты и держал в темном подвале. После такой обработки саженцы хорошо приживаются даже летом, если, конечно, за ними хорошо ухаживают.

Так Т. Н. Моисеев окореняет черенки дуба, карагача и других деревьев и кустарников, которые раньше никогда не размножались черенками. А вы, ребята, можете попробовать применить этот способ для окоренения черенков ореха и для летней посадки орешника.

Если пионеры дружно возьмутся за работу, скоро зашумят новые ореховые рощи по оврагам и ореховые аллеи вдоль дорог.

Г. Широков

МАЙ

Строчок.

Сморчок.

Шампиньоны.

Не хотите ли в лес по грибы, ребята? Ведь уже апрель прошёл; уже начался май, надо спешить. «Какие же грибы весной? — скажете вы. — Ведь считается, что грибная пора — лето». Да, это так. Но всё же первые грибы появляются весной: те грибы, которых вы уже не найдёте ни летом, ни осенью.

В мае среди прошлогодних опавших листьев и первой нежной травы в смешанных лесах и по вырубкам растут весенние грибы. У них приросшие краями к толстым белым ножкам бархатистые шляпки: бурые, зеленовато-коричневые, темшоколадные, все в складках, бороздках, морщинках, словно затайливо гофрированные детские капоры. Это сморчки и строчки, съедобные и вкусные грибы. Перед приготовлением их обязательно обваривают кипятком, а после, слив кипяток, их жарят или тушат в масле и заправляют сметаной. В мае вы можете набрать и шампиньонов. Они растут по обочинам дорог, под заборами, на свалках, в канавах и по огородам.

Но главная примета мая не грибы, а цветы. Это месяц буйного цветения садов, полей и лесов. Майские цветы леса — ландыш, майник, грушанка, любка, петров крест, черёмуха — загадывают интересную загадку тем, кто любит вдумываться в тайны природы. Почему все эти цветы белые? В апреле, когда нежные серёжки на деревьях роняли пыльцу, когда раскрывались первые клейкие листочки, лес, прозрачный и пронизанный светом, был полон разноцветных цветов: распускались красновато-лиловые чашечки медуницы, темносиние глазки фиалок, бледносиние колокольчики сон-травы и пролесок, жёлтые звёздочки змеиного лука, золотистые кисти примулы лекарственной и розовые — волчьего лыка. А в майском лесу вы найдёте только белые цветы. Почему же это?

Качают густыми кронами деревья и шелестом своей листвы подсказывают нам ответ. В полумраке леса, одевшего зелёный наряд, белые цветы виднее всего, они заметнее для насекомых, которые помогают опылению. И не случайно почти все эти белые цветы душисты. Их аромат — приманка насекомым-опылителям.

В мае леса и поля, камышовые заросли и сады полны весёлым птичьим гомоном. Ещё в апреле вернулись с юга почти все птицы — обитатели средних широт, а в мае прилетели и самые поздние: коростели, погоньиши, пастушки, перепела, иволги, удои, стрижи, ласточки береговые и городские, камышовые овсянки, лесные жаворонки, пересмешки, бормотушки, жуланы. Строятся гнёзда, выводятся птенцы. В гнезде серой куропатки, искусно спрятанном среди кустов и опавшей листвы, положены смугловатые крапчатые яички, а у белых куропаток уже появились птенцы. Пушистые, желтовато-серенькие, с тёмными полосками на спинке, с блестящими бусинками глаз, они, как и наши

В густой траве устроил своё гнездо чибис. Там уже лежат пёстренькие яички.

Лосёнок.

Птенцы трясогузки широко раскрывают рты в ожидании корма. Их семеро. Разыщите-ка всех.

домашние цыплята, самостоятельны сразу же, лишь только выберутся из яйца, лишь только обсохнет их нежный пушок.

В хатках бобров на искусно устроенных бобрами запрудах и в береговых норах вывелись бобрята. Они родились пушистыми и очень скоро начали смотреть, через несколько часов после рождения.

В нашей стране полезных и ценных зверей берегут от истребления. Бобры, которые были почти выбиты и сохранились только в Сибири, снова расселяются по рекам Европейской России. Теперь бобры живут и в Воронежской области, и в Калининской, и в Белоруссии и даже за Полярным кругом — на Кольском полуострове. Советские люди не только охраняют зверей наших лесов, гор и степей, но и поселяют новых, никогда не обитавших в этих местах. Нутрия, южноамериканский грызун с красивым серебристым мехом, привезённый из-за океана, живёт у нас теперь не только в тёплой Колхиде, но и по болотистым берегам Оби и Иртыша.

Насаждая новые леса, советские люди перестраивают и животный мир: разводят полезных зверей, уничтожают вредных. Нет худших врагов у молодых дубовых посадок, чем суслики. Они поселяются сотнями тысяч вдоль лесных полос и губят неокрепшие деревца. Сейчас зоологи придумали новый способ борьбы с сусликами: уничтожать их с помощью четвероногого охотника за сусликами — белого хоря. Белый хорь — страшный враг сусликов. Быстрый, проворный, жестокий и жадный, он убивает больше сусликов, чем может съесть. А размножается хорь быстро: у него рождается от десяти до восемнадцати детёнышей.

Суслики проснулись ещё в апреле, и зоологи едут на лесные полосы, чтобы выяснить, в каких местах больше всего развелось врагов молодого леса. Сюда и будут выпущены бельё хори. Вы, ребята, очень поможете защите молодого леса, вылавливая сусликов капканами.

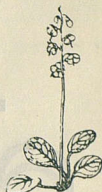
В мае день увеличился вдвое по сравнению с декабрём. Но хотя солнце заходит поздно, ночи ещё достаточно темны, чтобы наблюдать звёздное небо.

Отыщите созвездие Кассиопеи, похожее на латинскую букву w. Примерно в десять часов вечера Кассиопея находится к югу от Полярной звезды, а над Кассиопеей видно созвездие Цефея, как показано здесь на рисунке.

Оно не бросается в глаза, в нём нет особенно ярких звёзд, все они не ярче третьей величины. Но среди малоприметных звёзд Цефея есть одна, о которой вам стоит узнать. Она обозначается греческой буквой δ (дельта). Дельта Цефея — переменная звезда, но только совсем другого рода, чем Мира, красный гигант из созвездия Кита, о которой мы рассказывали в феврале. Дельта Цефея меняет свой блеск в короткий и очень точный период времени: 5 суток 8 часов 47 минут и 40 секунд. Колебания яркости у неё так правильны, что по ним можно было бы проверять часы. Необыкновенное поведение Дельты Цефея было замечено учёными 169 лет назад. С тех пор открыто много звёзд, похожих на неё и поэтому названных цефеидами. Цефеиды сыграли огромную роль в астрономии. С их помощью удалось измерить расстояния до самых далёких звёзд нашей Галактики и даже до других, соседних галактик. Для учёных цефеиды служат вежами, помогающими измерять пространства Вселенной.

Коростель

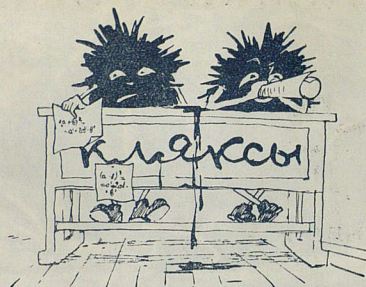

Грушанка.

Удод.

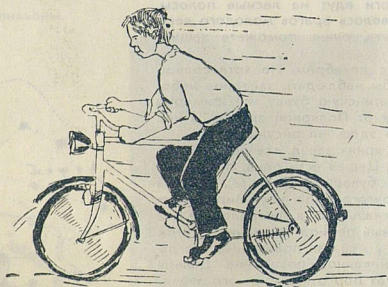
ВАНЯ ДВОЙКИН СОБИРАЕТСЯ НА ЭКЗАМЕН

Вид у Вани крайне жалок,
Весь шуршит бедняга Ваня:
Спрятал чуть не сто шаргалок
Он в ботинках и в кармане.
Но незнание — вот беда! —
Ведь не спрячешь никуда!

МАГИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕНА

Разогнался Точкин Валя,
Так и жмёт на все педали!

Но узнаешь ты едва ли
Дома за учёбой Валю!

ПЕТА СЛОВЕЧКИН РАССКАЗЫВАЕТ...

— Пришёл... Народищу полно!
Идёт мировское кино.
Ну, в общем, тут выходит, прямо...
Ну, этот... как его? Тот самый...
А с ним и тот... ну, как его?
Ну, в общем, жутко мирово!
Ну, этот — как его? — как встанет!
А тот — ну, как его? — как взглянет
На этого, на... как его?
... Что?.. Непонятно ничего?!
Не разобрали вы ни слова?..
Ну, и народец bestолковый!

ИЗГНАННИЦЫ

Клякса:

«Нас, двоечка, совсем не ценит свет,
Не любят больше нас с тобой ребята.
Почти ни у кого ошибок нет,
И клякс в тетрадах стало маловато.»

«МУДРЫЙ» РАСЧЕТ

«Зачем мне делить, вычитать, умножать,
Коль рядом отличник со мною!..»
Но в жизни сложнее задачи решать
Придётся своей головою!

Карикатуры для этого номера «Клякс» рисовали школьники Юра Барашков (город Архангельск), Миша Верхоланцев (город Весьегонск), Лёва Зуенков, Олег Ицеховский, Лёня Кацнельсон, Юра Крылов (Москва).

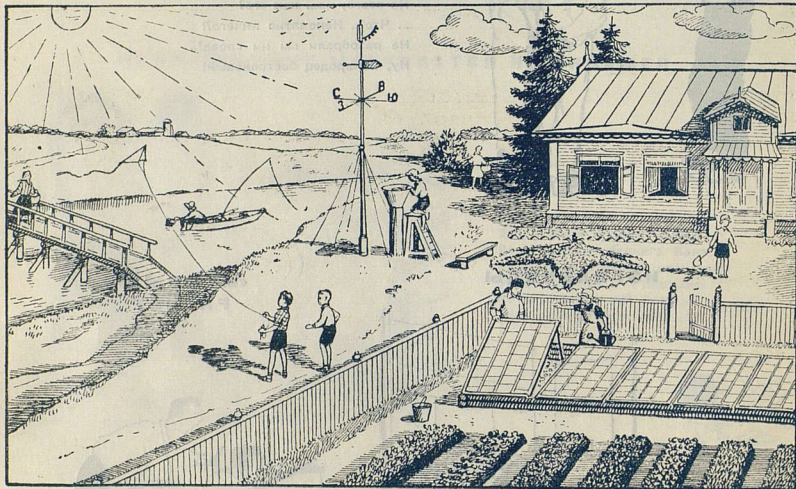

Это игра-состязание. Каждый, кто захочет в ней участвовать, должен прислать нам список слов, имён существительных. В этих существительных буква «а» должна повториться сто раз.

Никаких других гласных букв в этих словах быть не должно. Имена собственные (названия рек, городов, имена людей и т. п.) писать не разрешается.

Первые места в состязании займут ребята, которые составят список из наименьшего количества слов. Поэтому постарайтесь подбирать такие слова, в которых буква «а» повторяется несколько раз, например: «граната», «тарантас», «караван» и т. п.

НЕВЕРНЫЙ РИСУНОК

Здесь нарисован дом и часть прилегающего к нему участка.

Если внимательно рассмотреть рисунок и по-

думать, то можно обнаружить шесть несообразностей, которые умышленно допустил художник. Заметите ли вы ошибки?

ЗАБАВНАЯ АРИФМЕТИКА

Вы кладёте на стол шесть шашек, карандаш и листок бумаги. По вашей просьбе к столу подходят трое ребят, скажем, Галя, Миша и Слава. Вам завязывают глаза.

Став в сторонке, вы обращаетесь к ребятам:

— Пусть один из вас возьмёт со стола три шашки, другой — две и третий — одну. Покажите зрителям, сколько шашек у каждого из вас, а я попытаюсь узнать это сам, хотя глаза у меня завязаны.

Прошу Галю умножить на два число шашек, которые она взяла. Миша пусть умножит число своих шашек на девять, а Слава — на десять. Запишите на листке бумаги все три числа, которые у вас получились, и сложите их. Сумму скажите мне.

Узнав результат сложения, вы через несколько секунд без ошибки угадываете, сколько шашек взял со стола каждый из трёх ребят.

Число, которое вам назвали, вы должны вычесть из шестидесяти и разность разделить на восемь. Частное от деления равно числу шашек, которые взял тот, кто умножал на два. Остаток показывает, сколько шашек у того, кто умножал на девять.

Допустим, что Галя взяла две шашки, Миша одну, а Слава три. Тогда вычисления будут такие: (Галя) $2 \times 2 = 4$; (Миша) $1 \times 9 = 9$; (Слава) $3 \times 10 = 30$; $4 + 9 + 30 = 43$. Эту сумму вам назвали. «В уме» вы делаете следующее: $60 - 43 = 17$, $17 : 8 = 2$ (остаток = 1). Значит, у Гали две шашки, у Миши одна и у Славы три.

БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

Фырчит, рычит,
Ветки ломает,
Пыль поднимает,
Тебя с ног сбивает,
Слышишь его,
Да не видишь его.

* * *

Без ног оно, и без крыльев
оно,
Не видно его, и не слышно
его,
Быстро летит — не догонишь
его.

* * *

Страны без людей,
Города без домов,
Лес без деревьев,
Море без воды.
Что такое?

* * *

Корова бодлива,
Сквозь плетень пролезла,
А хвост застрял.

* * *

Если молод, — молодым
останусь,
Если стар, — стариком
останусь.

Глаза есть, а не вижу,
Уши есть, а не слышу,
Рот есть, а не ем.

* * *

Пятеро братьев в одну
ночь родились,
а ростом не равны.

* * *

Дедушка старый,
Весь белый,
Лето придёт, —
Не глядят на него.
Зима настанет, —
Обнимают его.

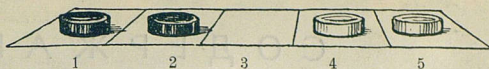
Перевод с болгарского
М. И. Кондратьевой.

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

В Свердловске живёт инженер, он работает на заводе. В рабочие дни инженер уходит из дома в 9 часов утра. Отец инженера — врач, он работает в одной из московских больниц и занят там по рабочим дням с 11 часов утра. Между Москвой и Свердловском, как известно, есть телефонная связь. Частные переговоры по телефону из Москвы со Свердловском можно вести ежедневно в период с 8 до 10 утра или с 7 до 10 часов вечера.

Если отец захочет поговорить по телефону с сыном, сможет ли он застать его дома утром в рабочие дни?

ПЕРЕМЕСТИТЕ ШАШКИ

Начертите на бумаге пять смежных квадратов и пронумеруйте их, как показано на рисунке. В первый и второй квадраты поставьте чёрные шашки, а в четвёртый и пятый — белые (если у вас не окажется под руками шашек, используйте медные и серебряные монеты).

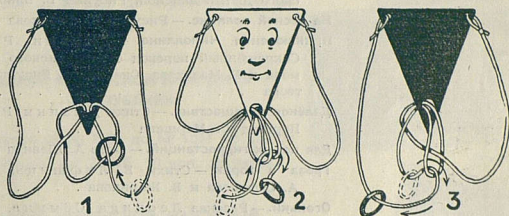
За восемь ходов чёрные шашки должны занять места

белых, а белые перейти в квадраты, где стояли чёрные.

Две шашки за один ход двигать нельзя. Разрешается перемещать шашку через один квадрат или ставить её в соседнюю клетку. Чёрные шашки могут ходить только слева направо, а белые — только справа налево. В одном квадрате две шашки помещаться не могут.

ОТВЕТЫ

НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4

ГОЛОВОЛОМКА

Поверните треугольник тыльной стороной к себе. Перекиньте на эту сторону петлю, которая захлестнута у нижнего отверстия, и потяните её к себе. По шнурку, на котором висит колючко, передвиньте его за петлю (рис. 1).

На лицевой стороне треугольника захватите шнурок, который двумя линиями проходит в отверстие. Тяните этот шнурок на себя до тех пор, пока сквозь отверстие пройдёт на лицевую сторону треугольника двойная петля. Передвиньте по шнурку колючко с одной стороны петли на другую (рис. 2).

Вытащите петлю обратно на тыльную сторону треугольника. Проведите через эту петлю колючко (рис. 3) и затяните её. Нитка займёт первоначальное положение, только колючко будет висеть не слева от треугольника, а справа.

ОТЫЩИТЕ НА РИСУНКЕ

1. Мальчик идёт на лыжах с палками. Вдоль лыжни, проложенной по просеке, нет

следов от палок. Значит, здесь прошёл не мальчик, а охотник, который виден вдаль.

2. Слева нарисован снегирь. По строению клюва в другой птице нетрудно узнать клеста. Ему и принадлежит гнездо, в котором видны птенцы. У снегиря не бывает птенцов зимой. А птенцы клеста нередко выводятся в феврале.

3. Объединённые шишки разбросала белка. Клесты тоже питаются семенами хвойных, но птицы достают семена из-под чешуек, а белки отгрызают чешуйки.

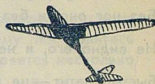
4. По рисунку следов, которые видны возле лыжни, нетрудно определить, что они принадлежат не белке, а зайцу. Он сидит вдаль под ёлкой.

КРОССВОРД „СТИХИ ПУШКИНА“

По горизонтали: 3. «К Чаадаеву». 6. «Обвал». 8. «Няне». 9. «Бесы». 10. «Армон».

По вертикали: 1. «Туча». 2. «Деревяная». 4. «Анчар». 5. «Узник». 6. «Осень». 7. «В Сибирь».

СОДЕРЖАНИЕ

Первое мая.—Стихи Сергея Баруздина . . .	2
Страница летописи.—Рассказ К. Киршиной. Рисунки Петра Павлинова . . .	3
Доброе утро. Маленькие колхозники. Лесной ключ.— Стихи Петра Силса. Перевод с латышского Юрия Яковлева. Рисунки В. Дельмера . . .	18
Экипаж шестого «А». — Очерк Н. Александровой. Фото В. Тюшеля . . .	20
Партизан Лёна Голиков.—Отрывки из повести Юр. Королькова. Продолжение. Рисунки П. Баранова и Н. Евлановой . . .	25
Ручка деда Некула Гэйне.—Рассказ Александру Отть. Сокращённый перевод с румынского Д. Шполянской. Рисунки Б. Винокурова .	49
На лесной полянке.—Рисунки Ю. Узбякова . . .	55
Приключения Чиполлино.— Джанини Родари. Сокращённый перевод с итальянского В. Булимова и Г. Малахова. Окончание. Рисунки В. Суてева . . .	56
Далёкое путешествие.—Стихи Джанини Родари. Перевод С. Маршака . . .	65
Для новых гидростанций.—Фото А. Шевича . . .	66
Гроза в горах.—Стихи В. Лифшица. Рисунки А. Сафонова и В. Жарикова . . .	68
Огоньки.—Рассказ Леонида Сёмнина. Рисунки В. Константинова . . .	69
Воздушные корабли.—Женя Мосяков. Фото С. Карасёва . . .	73
Там, где делают книги.—Очерк А. Дорохова. Рисунки Д. Пивоварова. Фото А. Устинова . . .	75
Выше своего роста.—М. Черевков . . .	81
Отовсюду и обо всём . . .	84
Пионерские ореховые рощи.—Г. Широков . . .	86
Май.—Е. Рубцова. Фото и рисунки П. Рябова . . .	90
Кляксы . . .	92
В часы досуга . . .	94

На обложке:
рисунок Ф. Лемкула
«Первое мая».

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 02251. Подп. к печ. 11/V 1953 г. Форм. бум. 82 × 110¹/₁₆. Бум. листов 3,06. Печ. листов 10,05.
Тираж 140 000 экз. Изд. № 394. Зан. 529.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

МАРКИ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

имеются в продаже в большом выборе
в магазинах Книготорга

МАРКИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

88 разных пакетов от № 1-ч до № 88-ч
по ценам от 60 коп. до 2 руб. 50 коп. за
пакет.

МАРКИ РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

37 пакетов от № 1001 до № 1037 по ценам
от 60 коп. до 2 руб. 50 коп. за пакет.

МАРКИ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

4 разных пакета от № 2001 до № 2004 по
ценам от 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 35 коп.
за пакет.

МАРКИ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

3 разных пакета от № 4001 до № 4003 по
ценам от 40 коп. до 2 руб. 40 коп. за пакет.

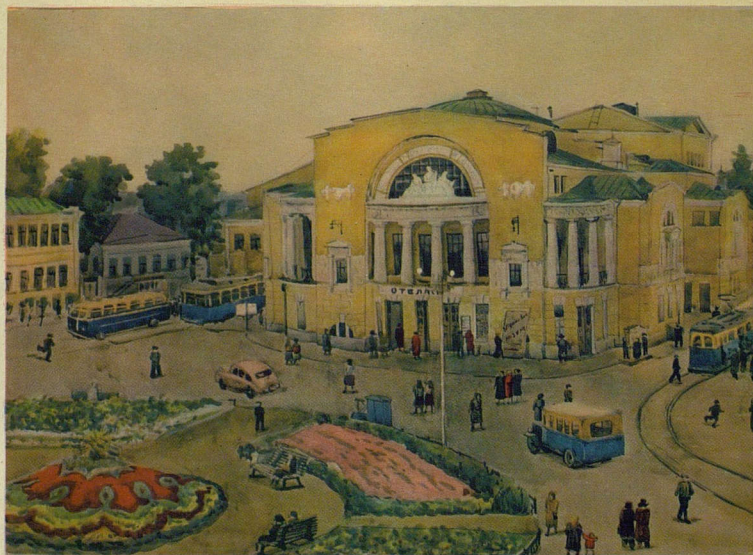
РЕБЯТА!

В случае отсутствия марок стран народной демократии в продаже в местных магазинах книготорга вы можете заказать их по почте одному из следующих магазинов Книготорга: в МОСКВЕ — магазин № 63 Москниготорга, Кузнецкий мост, 20, в ЛЕНИНГРАДЕ — магазин № 44 Ленкниготорга, Невский проспект, 78, в СВЕРДЛОВСКЕ — магазин Свердкниготорга «Ноты», ул. Ленина, 22а, в НОВОСИБИРСКЕ — магазин № 1 Облкниготорга, Красный проспект, 21, во ЛЬВОВЕ — магазин № 7 Облкниготорга, Академическая, 3.

Оплата заказов и расходов по пересылке производится по почте при получении заказа.

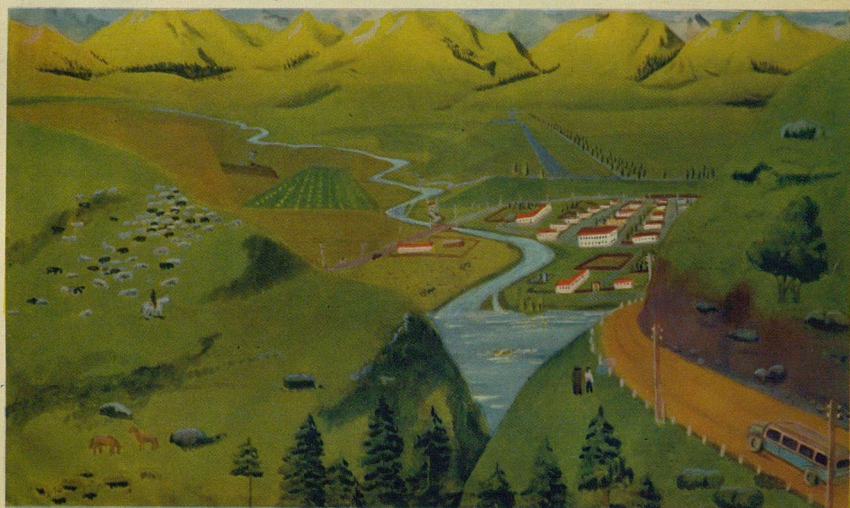
Филателистическая контора Росполиграфиздата

ТЕАТР ИМЕНИ ВОЛКОВА, г. Ярославль.

Рисунок Вадима Кислых.

ПЕЙЗАЖ, ТЯНЬ-ШАНЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Рисунок Кайбагарова.